

Адора

Автор:

Бертрис Смолл

Адора

Бертрис Смолл

Роскошные волосы и фиалковые глаза Адоры пленили молодого принца Мурада, когда он увидел ее в цветущем саду. Их любовь расцвела, как персиковое дерево, под которым он сорвал с ее губ первый поцелуй. Но султан Орхан объявил Адору своей невестой. Смогут ли влюбленные встретиться вновь?

Бертрис Смолл

Адора

Bertrice Small

ADORA

Перевод с английского

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения автора и ее литературных агентов, Ethan Ellenberg Literary Agency (США) и Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Bertrice Small, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

Эта история началась ранним утром 1341 года в Константинополе, когда над неподвижной водой залива Золотой Рог рваными клоками еще висел предутренний туман. Город спал, и почти никто из жителей не знал, что этой ночью скончался император Андроник III.

Именно в то утро из императорского дворца вышел человек – по-видимому, довольно важная персона, ибо стражники у ворот дворца не только не окликнули его, но и склонились в почтительном поклоне. Человек быстрым шагом прошел через огромный парк и направился к красивому зданию, носящему название дворец Манжана. Но пора внести ясность – этого человека звали Иоанн Кантакузин, и последние тринадцать лет он был реальным правителем Византийской империи за спиной у официального императора Андроника III.

Андроник III, прозванный в народе Красивым, пришел к власти, свергнув с престола своего деда и убив собственного отца. Добравшись таким кровавым путем до трона, Андроник возвысил своего верного друга и помощника Иоанна Кантакузина, которого уже тогда по праву считали одним из умнейших людей в империи. Андроник сделал Иоанна епархом и отдал в его руки управление страной.

У самого Андроника не было времени заниматься политикой, он слишком увлекался охотой, праздничными фейерверками и красивыми женщинами. Он получал от власти максимум удовольствий, а управлять страной ему просто не хотелось, и он отдавал эту обязанность, или привилегию, каждый волен назвать, как ему нравится, в руки Иоанна Кантакузина.

Мать императора Ксения-Мария и его жена Анна Савойская не доверяли Иоанну и пытались очернить его в глазах императора, но Андроник всегда защищал старого друга, считая все, что говорили про Иоанна, «бабскими сплетнями».

Однако все когда-нибудь кончается – император умер, и Иоанн оказался в крайне неприятном положении – к власти приходили его враги. Анна Савойская становилась регентом при малолетнем сыне Андроника Иоанне Палеологе. Иоанн Кантакузин не собирался безропотно смотреть, как Анна Савойская ввергнет страну в пучину бед, а его предаст мучительной смерти. Он собирался бороться. Так что в то раннее утро Византийская империя стояла на пороге гражданской войны.

Итак, Иоанн Кантакузин шел к дворцу Манжана, в котором жил со своей семьей. Прежде чем начать открытую борьбу с Анной Савойской, он, зная мстительный и жестокий нрав итальянки, хотел отправить семью куда-нибудь в безопасное место.

Пятнадцатилетнего сына Иоанна он оставлял при себе; остальные должны уехать. Шестилетнего Матвея он решил спрятать в монастыре Святого Андрея, надеясь, что монастырские стены и религиозные запреты охранят в случае чего его сына от гнева императрицы. Свою вторую жену Зою и дочерей Иоанн решил спрятать в женских монастырях.

Его первая жена Мария Бурская умерла, когда их дочери Софье было три года, а старшему сыну Иоанну – пять лет. Через год он женился на греческой принцессе Зое Македонской. Она родила Иоанну двух дочерей – Елену и Феодору и сына Матвея. У них было еще двое сыновей-близнецов, но те умерли в младенчестве. Сейчас Зоя опять беременна.

Несмотря на столь ранний час, во дворце Иоанна уже ждал Лев – его управляющий и тайный поверенный.

– Он умер, мой господин?

– Да, несколько минут назад, – ответил Иоанн. – Иди разбуди Матвея и не медля отвези его в монастырь Святого Андрея, а я пойду к Зое и дочерям.

Иоанн прошел в женское крыло дворца и вошел в апартаменты жены. Своим внезапным появлением он разбудил двух стражников, задремавших на посту и теперь испуганно таращившихся на Иоанна, ожидая взбучку за нерадивость. Но он, не сказав ни слова, прошел в спальню жены. Зоя моментально проснулась, по лицу мужа догадавшись о том, что произошло. Это избавило Иоанна от лишних объяснений.

– Пойди попрощайся с Матвеем, любовь моя. Сейчас Лев увезет его в монастырь Святого Андрея.

Иоанн нежно поцеловал жену и пошел в спальню к Софье и Евдокии, дочерям от первого брака.

Девушки оказались не такими понятливыми, как Зоя.

– Одевайтесь. Император умер. Вы должны уехать в монастырь Святой Девы Марии, – приказал Иоанн, входя в спальню.

В ответ Софья вяло потянулась, при этом ее ночная рубашка задралась и обнажилась высокая пышная грудь. Откинув густые черные волосы, Софья иронично улыбнулась и надула пухлые алые губы. Она очень напоминала свою мать. Жалко, что он не успел выдать дочь замуж, не пришлось бы сейчас укрывать ее в монастыре.

– Отец, а почему, собственно говоря, мы должны уезжать в монастырь, разве монахи защитят нас лучше, чем твои воины?

Иоанн не стал спорить, а только пристально посмотрел в глаза дочери своим ясным, но жестким взглядом.

– У вас пять минут на сборы, – сказал он голосом, не терпящим никаких возражений.

После этого прошел в спальню к двум другим дочерям. Здесь он не стал спешить. Взгляд его потеплел, когда он посмотрел на спящих спокойным и безмятежным сном девушек.

Его любимица Елена так похожа на мать. У нее светлые рыжие волосы и небесно-голубые глаза. Если бы не внезапная кончина императора, она стала бы женой наследника Андроника III. Маленькая Феодора спала, засунув в рот палец. Никак не отучить ее от этой привычки.

Ее пока еще детское тело явственно различалось под тонким шелком ночной рубашки. Иоанн часто называл ее «маленькой тайной». Она единственная из всех его детей унаследовала его быстрый логический ум и тонкую интуицию. Она казалась старше своих лет. Что-то напоминало в ней Иоанну его собственную мать – утонченные черты лица, кожа цвета свежих густых сливок, нежные щечки, которые иногда заливались ярким румянцем. Волосы у Феодоры были темные, цвета дорогого, хорошо отполированного дерева, иногда сверкающие золотыми блестками. Длинные темные ресницы с как будто позолоченными кончиками прикрывали изумительные аметистовые глаза. Внезапно эти прекрасные глаза открылись, и Феодора увидела отца.

– Что случилось, папа?

– Ничего особенно страшного не произошло... Умер император, и теперь ты, Елена и ваша мать должны на время уехать в монастырь Святой Варвары.

– Значит, будет война? – серьезно спросила Феодора.

Иоанн не в первый раз удивился, как не по-детски умна маленькая дочка.

– Да, Феодора, императрица стала регентшей и теперь постарается уничтожить меня, а заодно и вас – мою семью.

Феодора понимающе кивнула.

– Сейчас я разбужу Елену, – сказала она. – У нас есть хотя бы немного времени?

– Только чтобы одеться, – ответил Иоанн и вышел из спальни.

Феодора опять удивила его своей прозорливостью. Невольно подумалось, что с таким умом ей надо было родиться мальчиком.

Феодора же после ухода отца встала, быстро умылась, надела прямо на ночную рубашку простую зеленую тунику-накидку, потом, подойдя к двери, натянула легкие изящные сапожки. После этого она приготовила накидку и сапожки для сестры.

– Елена, вставай, Елена! – пыталась разбудить сестру Феодора, но это оказалось не так просто.

Лишь через несколько минут Елена открыла прекрасные голубые глаза, посмотрев на Феодору с явным неудовольствием.

– Ну что тебе? Зачем ты меня разбудила? – пробурчала эта соня.

– Император умер! Нам надо уезжать в монастырь Святой Варвары. Одевайся побыстрее, если не хочешь познакомиться с этой старухой Ксенией-Марией и ее солдатами.

Елена вскочила с кровати, сна как не бывало.

– Куда ты идешь? – взвизгнула она, увидев, что Феодора собирается выйти из спальни.

– Хочу найти маму, а ты поторопись, – ответила та.

Феодора нашла мать у задних ворот, где Зоя прощалась с Матвеем.

Феодора очень любила брата, тихого и беззащитного мальчика. Она всегда казалась старше его, хотя была младше на два года.

– Я очень боюсь! Что с нами будет? – прошептал он, схватив ее за руку.

– Ничего страшного, – попыталась успокоить его Феодора. – Отец отправляет нас в монастырь для нашей же безопасности. Это ненадолго, скоро мы опять будем вместе. К тому же тебе будет интересно в монастыре.

Матвей обнял ее, поцеловал мать и подошел к лошади, на которой уже сидел Лев. Через минуту Матвей примостился впереди Льва, и они выехали из ворот.

Теперь во дворе появилась другая группа отъезжающих: Софья и Евдокия с эскортом молодых воинов. Эти были настроены совсем по-другому. Они громко разговаривали и смеялись, намеренно задирая молодых солдат. Зоя довольно резко их одернула. Девушки не обиделись, ведь Зоя всегда относилась к ним не хуже, чем к своим родным детям. Они сделали вид, что вняли ее словам.

Иоанн дал сопровождение жене и двум другим дочерям. Да, он поступил разумно, распределив семью по разным монастырям.

Матвей направился в монастырь, который находился в западном конце города; монастырь Софьи и Евдокии был в северном; Зоя с дочерьми поехала на юг.

Монастырь, куда отправились Феодора, Елена и их мать, располагался за старой стеной Константинополя на реке Лукуе. Иоанн решил проводить Зою до монастыря. Он помог разместиться в носилках своей беременной жене, позади нее сели Елена и Феодора. Уже почти рассвело, над синими водами залива Золотой Рог можно было разглядеть радугу. Только что выглянувшее солнце радостно сверкало на крышах, в окнах домов и на куполах церквей.

– Это самый прекрасный город в мире! – воскликнула Феодора, охваченная каким-то непонятным возбуждением. – Никогда не соглашусь жить где-нибудь еще!

Зоя улыбнулась дочке:

– Когда-нибудь ты обвенчаешься с принцем и уедешь в его город.

– Я скорее умру, чем уеду отсюда! – категорично заявила Феодора.

Зоя покачала головой. Феодора, конечно, унаследовала от отца острый ум, но какой же она еще ребенок. Зоя прекрасно знала, что когда-нибудь, рано или поздно, Феодора покинет этот город вместе со своим будущим мужем.

Они проехали по улице Святого Феодосия и выехали на окраину. Вдоль дороги, один красивее другого, стояли дворцы богатых и знатных людей.

Проехав мост, они выехали на дорогу, которая привела их прямо к воротам монастыря. Сойдя с носилок, Иоанн, Зоя и их дочери направились к настоятельнице Тамаре. Иоанн преклонил перед ней колена и поцеловал худую аристократическую руку.

– Я прошу убежища в этих святых стенах для моей жены, дочерей и еще не рожденного ребенка, – произнес Иоанн, но это была простая формальность, ведь обо всем договорились заранее.

– Я даю убежище этим женщинам, – ответствовала настоятельница.

Иоанн представил свою жену и детей. На этом формальности закончились.

Иоанн отвел Зою в сторону и что-то прошептал ей, затем нежно поцеловал и подошел к дочерям.

– Отец, если я принцесса, то зачем мне выходить замуж за принца? – спросила Елена как ни в чем не бывало.

Иоанн засмеялся:

– Ты выходишь замуж за принца, это верно, но тот принц обязательно станет императором, а ты соответственно императрицей.

– А Феодора тоже станет императрицей? – спросила Елена, радостно сверкнув глазами.

– Я еще не нашел Феодоре мужа.

При этом известии Елена не смогла сдержать себя и победоносно взглянула на сестру.

– А почему бы не выдать Феодору за турецкого султана? – ехидно спросила Елена. – Может быть, ему понравятся ее глаза.

Этого Феодора стерпеть не могла:

– Я никогда не стану женой старого басурмана. Отец не сделает меня несчастной!

Но самодовольная Елена не отступала:

– Ты выйдешь замуж за того, кого выберет отец! Если он прикажет стать женой турецкого султана, ты станешь ею и... навсегда уедешь из этого города!

Но маленькая Феодора не собиралась сдаваться.

– Если я и стану женой султана, то только после того, как его войска завоюют этот город, и тогда я стану императрицей вместо тебя!

– Елена! Феодора! – пыталась успокоить детей Зоя.

Иоанн взял Феодору за руку и отвел в сторону.

– Понимаешь, цыпленок, – проговорил он тихо, – ты станешь женой того, на кого я укажу. Если бы только ты родилась мальчиком! Но, цыпленок, я постараюсь найти тебе сильного и хорошего мужа.

Затем Иоанн поцеловал их обеих, повернулся и быстро пошел к выходу, где его ждала охрана. Он направился домой. Теперь, когда его семья в безопасности, можно начинать борьбу за трон Византийской империи.

Предугадать исход этой борьбы невозможно – силы примерно равны, а кого поддержит народ – неясно. И Палеологи, и Кантакузины – древние фамилии. Встанет народ на сторону сына покойного императора или предпочтет человека, который последние тринадцать лет на самом деле управлял страной?

Одно понимали все: приди к власти Анна Савойская – Византия начнет проводить политику, выгодную ненавистному Риму.

Иоанн Кантакузин покинул город и возглавил войска, оказывающие открытое сопротивление войскам молодого Иоанна Палеолога.

Ни одна из враждующих сторон не хотела вредить великому городу Константина; война шла вне стен столицы, и потому семье Иоанна Кантакузина ничего не угрожало. Кантакузин с удовольствием решил бы все разногласия дипломатическим путем, но, к сожалению, ему не оставили выбора. Две вдовы последних византийских императоров желали смерти всех Кантакузинов.

Война шла с переменным успехом и затянулась на несколько лет. И хотя наемные войска Иоанна сражались хорошо, они не принесли ему победы, да к тому же сильно истощили его кошелек. В конечном итоге Иоанн запросил помощи у турецкого султана, владения которого находились на противоположном берегу Мраморного моря.

Султан Турции Орхан встал перед выбором – кому из враждующих сторон помочь: ведь Палеологи тоже попросили у него помощи. Но шансы Палеологов оказались невелики: они предлагали султану за помощь только деньги, да к тому же императоры этой династии всегда враждовали с Турцией.

Иоанн Кантакузин в отличие от Палеологов предлагал султану не только деньги, но и крепость на полуострове Цумп, а также свою дочь Феодору. Это предложение показалось султану Орхану более выгодным. Крепость на полуострове Цумп могла стать для Турции первым опорным пунктом в Европе.

Турецкая армия пришла на помощь Иоанну Кантакузину. Через некоторое время объединенные византийско-турецкие войска заняли все крупные города Византийской империи. Остался только один непокоренный город – Константинополь.

Живя в монастыре Святой Варвары, маленькая Феодора ничего не знала о своем предстоящем браке. Она даже подумать не могла, что отец выдаст ее замуж за пятидесятилетнего мужчину. О предстоящем браке знала Зоя, и ее ужасала мысль, что придется принести дочь в жертву политическим интересам. Зоя считала, что султан помогает Иоанну только потому, что хочет получить в жены Феодору. Она не понимала, что султану нужен в первую очередь опорный пункт в Европе, а Феодора – только приятный довесок.

Феодоре сообщила обо всем ее сестра Елена. Под ангельской внешностью Елены скрывался злой демон. Эта девушка с прекрасными пышными золотыми волосами, кроткими голубыми глазами имела жестокое и эгоистичное сердце. Ее

мать давно потеряла над ней контроль.

Однажды, когда настоятельница Тамара отлучилась, оставив сестер одних за вышиванием, Елена шепнула:

– Тебе, сестричка, нашли мужа... – Не дождавшись ответа, Елена продолжала: – Ты будешь третьей женой старого язычника. И окончишь свои дни в гареме... А я в это время буду править Византией.

– Ты лжешь! – воскликнула Феодора.

Но Елена только рассмеялась:

– Нет, не лгу, спроси у мамы. Она очень часто плачет из-за этого в последнее время, но папа нуждается в помощи – в турецких солдатах. Вот поэтому и решили променять тебя на них. Я понимаю султана! Турки очень любят маленьких девочек. Да и не только девочек, но и мальчиков тоже. Они... – Елена во всех подробностях описала сестре, что делают турки с маленькими девочками и мальчиками.

Феодора слушала молча, и ее личико становилось все бледнее и бледнее. К концу повествования она упала в обморок. Постояв с минуту над неподвижным телом сестры, Елена позвала на помощь.

На вопрос матери, почему Феодора упала в обморок, Елена пожала плечами и сказала, что все случилось очень неожиданно.

В этот момент Феодора открыла глаза и взглянула на Елену:

– Уведите ее, уведите! Я лучше умру, чем буду жить с ней.

Мать приказала Елене выйти, нежно и ласково обняла Феодору. Девочку всю трясло. Она что-то кричала сквозь рыдания, а что именно, Зоя не могла разобрать. Наконец, немного успокоившись, она все рассказала матери.

– Елена сказала, что моим мужем станет султан Турции. А потом прибавила, что муж будет издеваться надо мной, так как для султана нет ничего приятнее, как

поиздеваться над маленькими девочками.

– Твоя сестра – очень жестокая и к тому же невежественная. – Зоя говорила тихим, успокаивающим голосом. – Да, ты должна стать женой турецкого султана, твой отец очень нуждается в его помощи, но вы еще даже не обручены. Есть только договоренность, что он поможет твоему отцу, а ты станешь его женой. Этот брак очень выгоден и твоему отцу, и султану, но ты, конечно же, не станешь его женой, пока не подрастешь. Твой отец договорился об этом с Орханом. Да и стар этот султан. Кто знает, может быть, этот брачный договор никогда и не вступит в силу. Но, самое главное, Феодора, запомни, никто и никогда не будет над тобой издеваться. Ты – византийская принцесса!

Феодора внимательно слушала мать. Она успокоилась и лишь иногда негромко всхлипывала.

– Я не хочу замуж за Орхана, – промолвила Феодора еле слышно. – Я лучше останусь жить в монастыре.

– Права самой выбирать свою судьбу никто у тебя не отнимает. Тебя никто ни к чему не может принудить, даже твой отец. Ты – Феодора Кантакузин, византийская принцесса. Но помни, ты не имеешь права уронить честь славной фамилии, которую носишь. Сейчас только ты можешь спасти наш род от позорного поражения. Все зависит от твоего выбора: согласишься на брак – наша честь спасена, нет – наша семья вынуждена будет вести позорное существование изгнанников. Решай.

Некоторое время они сидели молча. Феодора обдумывала слова матери, а Зоя с интересом ждала ответа. Наконец Феодора решилась прервать молчание.

– Когда я должна обвенчаться с Орханом? – спросила она.

– Твой отец, как ты знаешь, осаждает Константинополь. Как только он возьмет его, можно говорить о каких-то конкретных сроках, а пока я не знаю.

Но взять Константинополь оказалось не так-то просто. Город упорно защищался. Могучие стены в три ряда опоясывали его. Вход в порт преграждала цепь, не позволяющая флоту неприятеля подойти близко к городу.

Город осаждали целый год, но и после этого ворота Константинополя так и не открылись перед Иоанном Кантакузином. В конечном итоге Иоанн отдал приказ перекрыть акведук, по которому в город поступала вода. Через некоторое время в городе начался мор, и Иоанн Кантакузин, боясь, что с его женой и детьми может случиться беда, устроил Зое, Елене и Феодоре побег из города.

Они бежали ночью, переодевшись в монахинь. Зоя и ее дочери направились к южным секретным воротам. Зоя взяла с собой медицинские инструменты, чтобы выдать себя и девочек за монахинь, ухаживающих за ранеными. Она имела некоторые познания в медицине и не боялась разоблачения.

– Помните, пока я буду разговаривать со стражей, ваши глаза должны смотреть в землю, руки спрячьте под складками платьев. Ваш вид должен выражать полное смирение, – учила Зоя дочерей, когда они подходили к воротам. – Особенно это касается тебя, Елена. Ты должна помнить, что монахини не строят глазки молоденьким солдатам. Если нас опознают, тебе никогда не стать императрицей, а глазки будешь строить только тюремщику или палачу.

В этот момент их остановил окрик часового. Стражник спросил, кто они и куда направляются.

– Сестра Елена из монастыря Святой Варвары и две мои помощницы, – ответила Зоя. – Мы идем за стены города помочь женщинам в поисках раненых. Вот мой пропуск.

Зоя протянула стражнику пропуск, который заранее передал ей тайный посыльный от мужа. Стражник бросил взгляд на пергамент, протянутый Зоей, и на секунду задумался.

– Вы должны поговорить с моим капитаном. Следуйте за мной, – сказал он и повел их к крепостной башне.

Войдя в нее, они поднялись на второй этаж по узкой каменной лестнице. Подъем оказался очень крутым, в башне гуляли сквозняки. Елена несколько раз поскользнулась, ахая при этом, Феодора шла молча, ничем не обнаруживая своего страха.

На втором этаже в караулке располагался начальник охраны. Зоя повторила ему свою легенду и протянула пропуск.

– А вы правда лекарь? – спросил капитан с сомнением: в Византии женщина-лекарь – большая редкость.

– Да, капитан, я умею лечить людей, – ответила Зоя, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Посмотрите-ка одного из моих людей. Он сегодня упал с этой чертовой лестницы и, кажется, сломал руку.

– Конечно, капитан, но, может быть, мы посмотрим его на обратном пути? Ведь там, за стеной, находятся люди, которые больше вашего солдата нуждаются в помощи.

– Но он очень страдает, сестра.

Зоя достала из складок своего монашеского платья два крохотных флакончика золотистого цвета.

– Пусть ваш больной выпьет это, тогда он уснет и проспит до нашего возвращения.

– Я вам очень благодарен, сестра. – Капитан взял флакончики у Зои. – Василий! Проводи доктора и ее помощниц через потайной ход за стену. Но эти чертовы лестницы...

Женщины пошли за проводником, который повел их сначала «по этой чертовой лестнице», а потом по темному, сырому, холодному туннелю.

– Где мы находимся? – спросила Зоя у проводника.

– Под городским рвом. Если прислушаетесь, то услышите, как над нами журчит вода.

Зое стало не по себе, она оглянулась на дочерей. Феодора держалась молодцом, а вот Елена так побледнела, что при свете факела ее лицо напоминало маску из слоновой кости. Но надо идти. Неожиданно Зоя услышала звук падающего тела. Елена упала в обморок. Времени для нежностей не было, поэтому Елену быстро привели в чувство несколько пощечин. Они продолжили путь. Оказалось, что идти осталось не так уж и долго – через двадцать минут они стояли у двери, ведущей из подземелья.

Василий выпустил их наружу, пожелал счастливого возвращения и быстро захлопнул дверь. Зоя и дочери начали спускаться с насыпи к морю. Внезапно Феодора остановилась.

– Мама, подожди минутку, я хочу в последний раз взглянуть на город. – Голос ее предательски дрогнул. – Может быть, я больше никогда его не увижу.

Девочка посмотрела в сторону темного города. Она как будто впитывала его образ в себя, хотя видела только часть крепостной стены да черную башню на фоне темного неба. Но в памяти город виделся так ясно. Постояв и посмотрев на город, Феодора молча повернулась, и они двинулись дальше.

Моросил дождь, хотелось есть, а они все шли и шли. Тяжелые серые монашеские одеяния делали их совсем невидимыми. Усталость наваливалась неотвратимо, как снежная лавина. И неудивительно, что Зоя, Феодора и Елена обрадовались, увидев отряд солдат, посланный им навстречу, во главе с верным слугой Иоанна Львом.

Через час их уже доставили в военный лагерь, где они смогли переодеться, поесть и отоспаться. Через несколько дней Зоя и дочери встретились с Иоанном Кантакузином.

Феодора очень боялась этой встречи, ведь она последний раз видела отца шесть лет назад. Однако ничего особенного не произошло, если не считать одного неприятного разговора.

При встрече Иоанн обнял ее, потом немного отстранился, как бы разглядывая дочь.

– Орхан будет гордиться тобой, доченька, ты стала красавицей. Надеюсь, ты готова к брачному ложу?

– Нет, папа, – ответила Феодора после секундного замешательства. – И надеюсь, что не буду готова еще долго, – добавила она тише.

– Жаль, думаю, тогда придется отдать Орхану в жены твою сестру. Турки любят блондинок.

Услышав эти слова, Феодора радостно вскрикнула:

– Да! да! Пусть его женой станет Елена!

Но тут вмешалась Зоя:

– Нет, Иоанн, все уже решено. И ты, Феодора, когда я с тобой разговаривала, уже дала согласие на этот брак, не так ли?

– Да, мама, – ответила Феодора почти шепотом. В глазах ее стояли слезы, а губы были упрямо сжаты: она овладела собой и была готова ко всему.

Вскоре объявили о браке Феодоры и султана Орхана. Само венчание состоялось немного позднее. Проходило оно по всем правилам христианской церкви. Феодора выглядела спокойной, разве что улыбка казалась несколько искусственной.

На следующее утро после свадьбы Феодора уплыла в Турцию. А через год после этих событий ворота Константинополя открылись для Иоанна Кантакузина. Через несколько недель после взятия города состоялась свадьба Елены Кантакузин и Иоанна Палеолога.

Небольшой монастырь Святой Екатерины славился своим богатством и знатностью его постояльцев. Такую славу и огромные богатства монастырь получил с тех пор, как в нем поселилась Феодора Кантакузин – византийская принцесса, третья жена султана Турции Орхана. Ей исполнилось тринадцать лет. Ее мужу, султану Орхану, было шестьдесят два года. Он владел огромным гаремом, который населяли женщины знатных фамилий. Орхан быстро позабыл свою новую юную жену. Феодора осталась невинной и вела тихую размеренную жизнь в стенах монастыря.

Надо сказать, что если бы Орхан увидел Феодору сейчас, то ей бы пришлось покинуть монастырь и переселиться в дворец султана – даже этот пресытившийся женскими ласками человек не смог бы пройти мимо такого цветка.

Феодора стала красавицей – с тонкой талией, стройными длинными ногами, высокой упругой грудью и прекрасным лицом. Несмотря на жаркое солнце, ее кожа сохранила нежный молочный цвет, а мягкие волосы цвета темного золота стали пышнее и мягкими волнами ниспадали на точеные плечи.

И конечно же, глаза, ее аметистовые глаза светились душевной чистотой и нежностью.

В монастыре у Феодоры был собственный дом, состоящий из прихожей, столовой, гостиной, кухни, двух спален и комнаты для прислуги. Девушка ни в чем не нуждалась, хотя ее жизнь в монастыре нельзя было назвать роскошной.

Размеренный, тихий ход жизни прервался летом того года, когда ей исполнилось тринадцать. Случилось это в жаркий и душный летний полдень в 1351 году. Монахини и прислуга попрятались от жары, а она, скучая, бродила по двору монастыря. Внезапно подул легкий ветерок, принесся запах персиков. Феодоре очень захотелось этих плодов. Сад находился за монастырской стеной, а ворота монастыря в это время дня закрывали. Девушка решила перелезть через монастырскую стену, которая, к счастью, оказалась не слишком высокой. Перебравшись через стену, она вволю наелась сладких плодов. Пора было возвращаться назад, и она начала карабкаться на стену, но та оказалась старой, и Феодора, ухватившись за какой-то выступ, сорвалась вниз. К своему удивлению, упала она не на жесткую землю, а прямо в сильные руки смеющегося мужчины. Она зажмурила глаза, и когда открыла их, то увидела красивого молодого человека.

- Ты воришка или просто маленькая голодная монахиня? - спросил он.

- Не то и не другое, - ответила Феодора. - Пожалуйста, поставьте меня на землю.

- Не отпущу, пока как следует не рассмотрю твои прекрасные глазки. Странно, ты не турчанка. Кто ты?

Феодора не стала отвечать. Ее никогда не обнимал никакой мужчина, кроме отца. Немножко неудобно, но нельзя сказать, что неприятно.

- Уж не откусила ли ты свой прелестный язычок, милая? - спросил мужчина, не услышав ответа на свой вопрос.

Феодора покраснела: ей казалось, что незнакомец читает у нее в глазах все ее мысли.

- Я послушница в этом монастыре, - сказала она. - Пожалуйста, помогите мне перелезть через стену: если меня найдут здесь, мне здорово влетит.

Он подсадил ее, потом забрался на стену сам, спрыгнул вниз и протянул ей руки.

- Прыгай, синеглазка. - Он улыбнулся.

Она прыгнула, а мужчина, поймав ее за талию, легко опустил на землю. Чувствуя теперь себя в безопасности, Феодора впервые осмелилась взглянуть в его черные, агатовые глаза.

- А что ты делала в саду? - спросил он, ничуть не смутившись.

- Я захотела персиков. Монастырские ворота были закрыты, и поэтому я полезла через стену.

- Скажи, а ты всегда получаешь то, что хочешь?

- Да, но запросы мои не так уж велики.

Он улыбнулся и протянул ей руку:

– Мое имя Мурад, а твое?

– Феодора.

– Это слишком сложно. Я буду звать тебя просто Адора, ладно?

Внезапно он наклонился и поцеловал ее. От неожиданности Феодора потеряла дар речи.

– Как вы смеете? – вырвалось у нее после минутного замешательства. – Я – честная замужняя женщина!

Произнеся эти слова, Феодора смутилась, будто сказала невесть какую чудовищную глупость.

– Могу поспорить, что это первый поцелуй в твоей жизни, – заявил Мурад совершенно спокойным голосом.

Феодора почувствовала, что ее щеки покрываются румянцем. Она повернулась и хотела убежать, но не сделала этого, сама не понимая почему.

– Могу поспорить, – продолжал Мурад, – что ты замужем за стариком. Молодой мужчина никогда не позволил бы тебе жить в монастыре.

– Я не видела своего мужа уже несколько лет, – тихо сказала Феодора. – Но он хороший человек, потому прошу тебя никогда не говорить на эту тему. Лучше уходи. Я чувствую, что, если ты останешься, из этого не выйдет ничего хорошего.

Мурад не сдвинулся с места.

– Завтра ночью, – сказал он, – начинается неделя полнолуния. Буду ждать тебя у стены, в том месте, где мы с тобой встретились.

- Конечно же, я не приду!

- Ты боишься меня, Адора?

- Нет!

- Тогда докажи мне это и приходи.

Он обнял ее и пылко поцеловал в нежные губы.

Сначала она сопротивлялась, но в конце концов поняла, что ей совершенно этого не хочется. Однако, как только Мурад выпустил ее из объятий, она повернулась и побежала от него в сторону дома.

- До завтра, Адора, - донеслось до нее.

Вбежав в дом, она упала на постель; ей надо было успокоиться и обдумать все происшедшее. Противоречивые чувства переполняли ее: она не знала, что отношения между мужчиной и женщиной могут быть столь волнующими. Ей было приятно, когда Мурад целовал ее, но одновременно и страшно. Перед ней словно открылся какой-то новый мир, непохожий на тот, что она видела в монастырских стенах. Невольно ей вспоминался Мурад: его черные глаза, его улыбка, сильные руки и мягкие, нежные губы.

Феодора решила больше не встречаться с Мурадом, но все же прийти в назначенное время в сад, спрятаться и посмотреть - будет он ее ждать или нет. И не выходить ни в коем случае.

Глава 2

Мурада очень позабавило знакомство с Феодорой. Этому взрослому мужчине, опытному в искусстве любви, очаровала детская невинность Феодоры.

Он знал, что Феодора – третья жена его отца, султана Турции Орхана, и что отец совершенно не интересуется ею: этот брак имел для него только политическое значение. Несмотря на то что Мурад не сказал Феодоре, кто он, и не признался, что знает, кто такая она, он не имел в мыслях ничего дурного. Для него эта встреча была не больше чем очередное приключение.

Мурад был третьим, младшим сыном султана Орхана. Его старших братьев звали Сулейман и Ибрагим. Мать Ибрагима, Анастасия, дочь византийского аристократа, приходилась дальней родственницей Феодоре. Она свысока смотрела на мать Мурада, дочку мелкого грузинского князька. Анастасия считалась первой женой султана, но мать Мурада, Нилифер, была его любимицей. К тому же Орхан выделял Мурада из своих сыновей.

Старший сын султана, Ибрагим, всегда при отце вел себя так, будто он малый ребенок, хотя при дворе знали, что он имеет большие виды на султанский венец. Жил Ибрагим в собственном дворце. Его очень любили и слуги, и рабы, и его женщины, к которым, кстати сказать, он не прикасался.

Тихую жизнь праведника Ибрагим сочетал порой с приступами дикого безумства, которое на него иногда находило. Мать Ибрагима, Анастасия, мечтала видеть сына наследником отца и, надо заметить, много делала для достижения этой цели.

Принц Сулейман также жил в собственном дворце, но, не разделяя равнодушия Ибрагима к женщинам, имел уже двух сыновей и нескольких дочерей.

У Мурада детей не было, и пока он не собирался их заводить. Несмотря на то что он очень любил старшего брата, Мурад не отказался бы побороться с ним за власть в случае смерти отца. Он понимал, что в этой борьбе может больше потерять, чем выиграть, поэтому не строил далеко идущих планов. Что касается его встречи с Феодорой, это была чистейшая случайность. Мурад в тот день возвращался от одной доступной вдовушки и, проходя мимо монастыря Святой Екатерины, натолкнулся на девушку, пытающуюся перелезть через стену. Этот ребенок мгновенно очаровал его. И хотя Мурад сразу понял, кто она, – а мусульманские законы жестоко карают за связь с женой своего отца, – он все равно собирался прийти на свидание. Но был бы очень удивлен, если бы Феодора явилась тоже.

В день свидания Феодора отчаянно скучала. Монастырская школа летом не работала, и все ее подружки разъехались со своими семьями по загородным виллам. Феодоре не с кем было переброситься одной-двумя фразами, она была полностью предоставлена себе самой и своим мыслям.

Именно сейчас ей был нужен человек, с которым она могла бы поговорить, но ее окружали только слуги, а Феодора, воспитанная в духе своего времени, не считала их за людей.

Вечером этого дня, вернувшись из церкви, Феодора отослала слуг, надела легкое платье из тонкого шелка и пошла на встречу с Мурадом. Выйдя из дома, она неожиданно столкнулась с матерью-настоятельницей – доброй женщиной, но уж очень суровых правил.

– Можно я погуляю в монастырском саду? – выпалила Феодора, не дав настоятельнице удивиться столь поздней прогулке. – После такого душного дня хочется подышать вечерней прохладой.

– Конечно, дитя мое, иди, – с улыбкой ответила монахиня, и Феодора продолжила свой путь.

В саду на нее обрушился целый вихрь запахов: то благоухали розы, орхидеи и другие незнакомые цветы. От неожиданности у Феодоры закружилась голова, она на мгновение остановилась, но, справившись с собой, вновь пошла по дорожке, посыпанной гравием.

– Ты пришла! – Низкий и глубокий голос Мурада разорвал тишину.

Ее глаза широко открылись. Растерявшись, она задала вопрос, который звучал довольно глупо и от которого ей стало совсем неловко:

– Что ты здесь делаешь?

– Разве мы не договаривались встретиться здесь? – удивленно спросил он.

Ему показалось, что она смеется над ним, но Феодора и не думала смеяться. Она стояла перед Мурадом, опустив глаза и мучительно соображая, что же сказать.

– Я пришла попросить тебя не нарушать покой этого места и не приходить сюда больше, – проговорила она, запинаясь на каждом слове.

Однако Мурад лишь улыбнулся в ответ – он уже догадался, какие чувства обуревают Феодору.

– Ты покраснела, – сказал он. Его рука коснулась лица девушки. – Ты вся горишь.

– Здесь очень душно.

Мурад мягко улыбнулся и, взяв Феодору за руку, потянул за собой.

– Пойдем, я нашел прекрасное место для наших встреч.

Он привел Феодору в самую глубь сада. Над их головами шелестели листья деревьев, а в воздухе сильно пахло орхидеями.

– Вот... – Мурад оборвал себя на полуслове, так как увидел, что из глаз Феодоры катятся слезы. – Адора, сладкая моя, что случилось? – Он был так удивлен, что даже выпустил ее руку.

– Я боюсь... боюсь тебя! – почти вскрикнула Феодора.

– Не надо меня бояться, я не причиню тебе зла, – мягко сказал Мурад.

Он расстелил на земле свой плащ и усадил на него девушку. Сам сел рядом, нежно обнял Феодору за плечи и прижал к своей груди.

– Я никогда не общалась с мужчинами так... Не знаю, как мне вести себя, не знаю, что думать о наших отношениях.

На губах Мурада опять задрожала улыбка.

– Я думаю, тебе будет легче, если я скажу, что знаю, кто вы, ваше величество.

Из груди у Феодоры вырвался слабый вздох. Мурад же продолжал:

– А я, Адора, принц Мурад, третий сын султана Орхана, твоего мужа. Молва говорит, что я – распутник, но я чту Коран и никогда не буду соблазнять жену отца, даже если она – самая красивая женщина в мире.

Мурад замолчал. Феодора сидела опустив голову; казалось, она полностью ушла в себя. Легкий ветерок заставлял шептаться друг с другом листья деревьев, и, кроме него, никто не решался нарушить тишину ночи.

– Скажи, а ты знал, кто я, с самого начала?

– Почти. Когда мы встретились, я возвращался домой от друзей, что живут неподалеку. Стоило тебе назвать свое имя – и я сразу понял, что ты и есть та самая Феодора.

– И, зная, кто я, ты поцеловал меня? А потом еще и назначил свидание? Тебе не кажется, что это слишком?

– Главное, что ты пришла, Адора, – сказал он, как будто не слыша ее последних слов.

– Только для того, чтобы попросить тебя больше не приходить сюда.

– Неправда. Ты пришла, потому что тебе любопытно, что будет дальше. – Тон Мурада опять стал насмешливым. – Признайся, любопытно?

– Мне не в чем признаваться.

– Любопытно. И это совершенно естественно: девушке интересно общаться с молодым мужчиной. Особенно такой девушке, как ты. Скажи, когда ты в последний раз разговаривала с мужчиной?

– Отец Виссарион исповедовал меня на прошлой неделе.

Мурад рассмеялся:

– Я спросил – с мужчиной, а не с монахом.

- В монастырь Святой Екатерины не приходят мужчины.

И это была чистая правда.

Мурад взял маленькую ручку Феодоры в свою. Он почувствовал, что ее гнев уже прошел, и спросил:

- Ты очень одинока, Адора?

Феодора не знала, что ответить:

- У меня есть родители, мои учителя, любимые книги...

- У тебя нет друзей? Бедная маленькая принцесса.

Она резко выдернула руку.

- Я не нуждаюсь ни в чьей жалости, особенно в твоей! - выкрикнула она.

Они опять замолчали. Луна освещала сад серебряным светом, и было что-то таинственное в том, как лунный свет играл на темных стволах деревьев и золотистых персиках на ветвях.

Мурад посмотрел Феодоре в лицо, из ее прекрасных глаз текли слезы.

- Ты не поняла меня, Адора. Я не жалею тебя. Просто обидно, что такая прекрасная женщина, как ты, вынуждена жить затворницей, состоять в браке со стариком. Это не твоя жизнь - твоя жизнь там, где любовь, ласка и нежность.

- Да, но я принцесса Византии. Я носила этот титул еще до того, как отец стал императором. Этим браком я принесла огромную пользу своей семье и своей стране. Я поступила так, как должна была поступить верная дочь и истинная христианка.

- Я понимаю, что тобой двигал долг, но рассуждаешь ты сейчас, как дитя. Если бы ты знала, что такое любовь, ты никогда не стала бы так говорить.

– Но моя семья очень любит меня и...

– Они?! – прервал Феодору Мурад. – Твой отец продал тебя старику за возможность получить войска, для того чтобы захватить императорский престол, который ему не принадлежал. Он дал твоей сестре в мужья молодого императора, которого, как говорят, она превратила в слугу – он у нее на побегушках. Знаешь ли ты, что она уже родила первого ребенка – сына? А сейчас науськивает своего безвольного муженька объявить «священную войну» с неверными, то есть с нами – с моим отцом и твоим мужем. И после всего этого ты будешь утверждать, что твоя семья любит тебя! Все члены твоей семьи, кроме тебя, наслаждаются жизнью, а ты медленно увядаешь в монастыре. Любовные приключения твоей другой сестры – Софьи – были причиной нескольких громких скандалов в Константинополе. Про твое же существование многие забыли. Кстати, когда ты последний раз получала письма от родственников?

Феодора молчала, ей нечего было ответить.

– Вот видишь, ты молчишь. Они принесли тебя в жертву ради собственного благополучия, а ты говоришь, что они любят тебя.

– Мой отец сделал то, что нужно было сделать для благоденствия империи! Он очень любил и любит меня, но он в первую очередь политик. Что касается моей сестры Софьи, то она уже была взрослой женщиной, когда я еще носила детские платьица. Я почти не знаю ее. А Елена, она всегда издевалась надо мной, и от нее мне ничего не надо. – Внезапно голос Феодоры сорвался и задрожал. – Моя мать часто пишет мне. То, что ты сейчас сказал, я уже знала. Даже совсем недавние события. Погиб мой старший брат Иоанн, и мать сразу же написала мне об этом. Я не могу тебе доказать, но ты не прав, мои родственники любят меня.

– Пойми, Адора, ты ничего не знаешь о любви. – Мурад говорил очень ласково, стараясь ее не обидеть. – Ты просто по-детски помнишь свою семью и любишь свои воспоминания. – На его лице опять заиграла улыбка, полунасмешливая-полунежная. – Если хочешь, я буду любить тебя.

Феодоре почему-то показалось, что Мурад оскорбил ее. Ей было больно из-за того, что этой ночью он заставил ее задуматься над тем, чего она не желала

знать. Все, что сказал ей Мурад, приходило ей в голову, но она всегда гнала эти мысли.

- Ты не имеешь права! Я - жена твоего отца, - сказала она в ответ на его последнюю фразу.

- Ты говоришь так, будто я прямо сейчас собираюсь лишиться тебя невинности. Так вот, я не собираюсь этого делать. - Мурад говорил почти смеясь. - Я знаю тысячу других способов.

Он привлек Адору к себе и, несмотря на ее сопротивление, поцеловал.

- Твой отец... - начала было Адора. Но Мурад прервал ее:

- Отец даже не вспоминает о тебе. Когда он умрет, я стану султаном и завоюю для тебя Византию. А сейчас я постараюсь научить тебя искусству любви.

Мурад еще раз поцеловал Феодору в губы. Она уже не могла сопротивляться, сердце ее бешено стучало и готово было выскочить из груди. Поцелуй был очень долгим, и Адора ощущала, как с каждой секундой ее все больше и больше накрывает волна наслаждения. С удивлением она почувствовала, как набухли ее груди - до боли в сосках. Внезапно рука Мурада начала ласкать их. Дыхание Адоры стало чаще, а сознание словно отключилось, и, заговорив, она даже удивилась звучанию собственного голоса.

- Зачем ты это делаешь? - спросила она срывающимся голосом.

- Потому что хочу тебя, - ответил Мурад, и Феодора услышала, как задрожал его голос.

Он покрывал поцелуями ее лицо, шею, руки, грудь - Феодора ничего не соображала, она полностью отдалась во власть охвативших ее тело новых ощущений.

Отстранившись, Мурад посмотрел на Феодору. Глаза ее были закрыты, платье так туго обтягивало грудь, что напряженные соски под тонким шелком казались двумя маленькими ростками. Вдоволь насладившись видом возбужденной

Феодоры, Мурад опять начал ее ласкать.

Он никогда не встречал таких женщин, как она, – девственных не только телом, но и душой. Все женщины, что до этого были у Мурада, обладали уже развращенной душой. Все – даже девственницы. «Она должна стать моей!» – пронеслось у него в голове. В этот момент Феодора открыла глаза.

– Тебе понравилось? – спросил Мурад. – Считаю, я дал тебе первый урок. Правда, я очень хотел, чтоб ты поцеловала меня, а ты так и не решилась.

Феодору разозлили бесцеремонные слова Мурада и то, каким тоном он их произнес.

– Нет, не понравилось! Ненавижу тебя! Запрещаю тебе прикасаться ко мне! – Злость нахлынула на Феодору так внезапно и сильно, что она даже не проговорила, а прошипела эти слова.

Но Мурад никак не прореагировал на эту вспышку. Он просто улыбался ей своими черными глазами.

– Завтра ночью мы продолжим наши занятия, – спокойно сказал он.

– Завтра ночью?! А больше ты ничего не хочешь? Я не приду сюда больше никогда. Не хочу тебя видеть!

– Адора, милая моя, это судьба, что мы встретились. Ты должна прийти, а если не придешь, тогда я сам приду к тебе, прямо в твой дом в монастыре.

– Ты не решишься!

Феодора вскочила и побежала из сада. Мурад догнал ее и остановил:

– Я решусь на многое ради того, чтоб увидеть тебя вновь.

Феодора вырвалась и побежала к монастырским воротам, но все же она успела услышать его последние слова: «До завтрашней ночи, Адора».

Она не помнила, как оказалась дома, не помнила, как разделась и легла в постель. Против воли ей пришлось признаться себе в том, что ей очень хорошо с Мурадом. Ей нравятся его поцелуи, его ласки, его пылкий нрав. Если такова настоящая жизнь женщины, то ей она нравится. И если разум пытался остановить Феодору, то тело, наоборот, подталкивало ее к жизни, полной счастья и бурных чувств, а также новых физических ощущений.

Феодора вдруг вспомнила, что она наговорила Мураду перед расставанием. Ей стало стыдно; все, что она сказала мужчине, казалось ей сейчас чудовищной глупостью.

Эти невеселые мысли долго не давали Феодоре уснуть. Только под утро глаза ее сомкнулись и она погрузилась в глубокий сон. Но долго спать ей не дали. Через три часа ее разбудила Ирина – домоправительница, в подчинении у которой находились все слуги Феодоры. Феодора чувствовала себя совершенно разбитой, у нее сильно болела голова, а глаза застилала мутная пелена. Слуги, решив, что она заболела, приготовили ей горячую ванну, а потом уложили в постель. Феодоре только этого и надо было: как только ее голова коснулась подушки, она тут же заснула.

Проснувшись Феодора только к вечеру. Ирина напоила ее подогретым белым вином и накормила мягким хлебом. После трапезы Феодора увидела, что уже стемнело – пора идти на свидание. Она надела фиолетовый халат с жемчужными пуговицами спереди, который очень хорошо сочетался с цветом ее глаз.

Тихо пробравшись в сад, она прошла по дорожке к месту вчерашней встречи. Мурада не было, но не успела она подумать, что ей делать – уйти или остаться ждать, как он вышел из-за деревьев.

– Адора! – радостно воскликнул он. Обвив руками ее тонкую талию, Мурад привлек Феодору к себе и нежно поцеловал. Впервые с самого начала их знакомства Феодора решила ответить на его поцелуй. Этот поцелуй был самым долгим и самым сладким за три их свидания.

Внезапно Мурад одной рукой начал расстегивать пуговицы ее халата. Вот расстегнута первая, вторая, третья, и вот уже рука Мурада ласкает обнаженные груди Феодоры.

– Урок номер два, голубка моя, – сказал с улыбкой Мурад.

– Пожалуйста, ну пожалуйста, не надо, – простонала Адора. Груды ее стали очень чувствительными, а соски так набухли, что каждое прикосновение к ним вызывало сладкую боль и заставляло ее задышаться от возбуждения. Сердце учащенно билось. Разум постепенно покорялся чувствам, и через мгновение она уже не владела собой. Руки Мурада все сильнее и сильнее сжимали груди Феодоры; ей уже казалось, она вот-вот потеряет сознание.

Вдруг Мурад остановился.

– Малышка, запомни, когда я с тобой, я – твой господин.

– Почему? – удивилась Феодора. Голос ее дрожал от возбуждения.

– Бог создал женщину из ребра мужчины. Мужчина появился на свет первым, и поэтому он должен быть первым во всем, а женщина должна ему подчиняться, – ответил Мурад.

– И что из этого следует, мой господин? – спросила Феодора с улыбкой.

– Из этого следует, что ты должна слушаться меня и не сопротивляться.

Одна рука Мурада опять стала ласкать упругие груди Феодоры, а другая расстегнула оставшиеся пуговицы на ее халате. Мгновение – и Феодора оказалась перед Мурадом совершенно обнаженной. Мурад ласкал ее шею, грудь, живот, бедра, он покрыл поцелуями все ее тело, и вот его рука скользнула вниз по мягкому пушистому бугорку и оказалась между прекрасных ног Феодоры. Мурад посмотрел Феодоре в глаза и увидел в них, помимо всего прочего, испуг.

– Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого, – прошептал он ей на ухо.

– Я не боюсь, но, когда ты ласкаешь меня, я теряю над собой контроль. Мне хочется, чтоб ты сделал со мной все, что мужчина делает с женщиной, все – от начала до конца, но я не твоя жена, и поэтому мне страшно.

– Не бойся. – Голос Мурада звучал тихо и нежно. – Я не сделаю ничего такого, что могло бы тебе навредить. Ты веришь мне?

– Да, – ответила Феодора еле слышно и через минуту с придыханием повторила громче: – Да.

Тела их переплелись. Руки Мурада заставляли трепетать все тело Феодоры, каждую его частицу. Одна его рука начала гладить ее между ног. Такого сильного ощущения она еще не испытывала; ей показалось, что тело ее утратило вес и воспарило над землей. Лишь один раз ей стало немного больно, да и то на мгновение, когда пальцы Мурада вошли внутрь ее тела. Она коротко вскрикнула, но уже через секунду тело ее стало двигаться в такт движениям его пальцев. Феодора почувствовала, как по всему ее телу разливается тепло, как после хорошего вина, только новое ощущение было в тысячу раз приятнее. Близость счастья чувствовалась все сильнее, и вот тело Феодоры непроизвольно дернулось, а с губ сорвался крик, но не от боли, а от непередаваемого, сладостного чувства.

– Как прекрасно! – сказала она, немного придя в себя. – Никогда не испытывала ничего подобного.

– Это радость любви. – Мурад улыбнулся, но не своей обычной ироничной улыбкой, а какой-то новой, неизвестной Феодоре, доброй и ласковой.

Глава 3

В Константинополе была уже глубокая ночь, но Иоанн Кантакузин никак не мог уснуть. Невеселые мысли одолевали императора. Его верная жена Зоя умерла недавно при родах, вместе с ней погиб и плод. Злая насмешка судьбы: Зоя могла родить двух сыновей-близнецов, а Иоанну сейчас, после гибели старшего сына, так нужны были наследники.

Эта трагедия ужаснула всех, оставив совершенно равнодушной лишь их дочь Елену. Смерть матери и братьев была ей даже на руку – ведь она и ее муж Иоанн Палеолог заключили союз против Иоанна Кантакузина, а теперь Елена

практически становилась императрицей. Как-то раз у нее произошел любопытный разговор с отцом.

- Что ты скажешь, если я еще раз женюсь? – спросил отец.

- Зачем тебе жениться? – По лицу дочери Иоанн видел, как взволновала ее эта как бы невзначай брошенная фраза.

- Как зачем? Чтобы дать империи наследника.

- У меня уже есть сын – Андроник, если он тебя не устраивает, я могу родить тебе еще одного внука. – В голосе Елены явственно послышались гневные нотки. – Кстати, сообщаю, что я опять беременна. Может, тебя устроит в качестве наследника тот, кого я сейчас ношу во чреве?

- Ты говоришь так, будто знаешь, что у тебя будет сын.

- А вот и знаю, отец!

После смерти матери в разговорах с отцом Елена становилась все развязнее. Иоанну порой казалось, что он разговаривает не с любимой дочерью, а с ненавистной Анной Савойской.

- Мой муж, – твердила Елена, – единственный законный правитель Византийской империи, и только его дети могут наследовать императорский престол. Даже Бог против того, чтобы было по-другому. Твой старший сын, отец, погиб, младший ушел в монахи, а двое последних родились мертвыми. Зачем ты споришь с Богом? Он призвал к себе мою мать, потому что не хотел, чтоб у тебя еще были дети!

- Я хочу, чтобы у меня был наследник, способный продолжить мое дело. Ты же, твой муж и ваши дети способны только развалить империю на куски. Вы думаете не о стране, а только о своем собственном благополучии! Пока я не вижу человека, которому мог бы передать бразды правления.

- Оставь их мне и моим детям!

– Лучше уж твоей сестре Феодоре!

Услышав это, Елена вся перекосилась от гнева. Не найдя слов от переполнившего ее возмущения, она выскочила из комнаты и оставила отца одного.

Последнее время Иоанн часто вспоминал Феодору. Они не виделись уже несколько лет, сейчас ей тринадцать. Она опять может помочь Иоанну в достижении поставленной цели. Во-первых, сейчас не помешает поддержка султана Орхана. Во-вторых, можно сделать своим наследником сына Феодоры, надо только, чтоб он появился, а саму Феодору назначить при нем регентшей, ведь у нее настоящий государственный ум.

Через несколько недель после описанного выше разговора султан Орхан получил письмо из Византии от Иоанна Кантакузина. В этом письме Иоанн просил опровергнуть лживые слухи о том, что Феодора является женой султана только на словах. Орхан хорошо разбирался в политике и сразу понял, что стоит за этой просьбой: Иоанн Кантакузин начинает новый этап борьбы за византийский престол. Орхан никогда не доверял Иоанну и понимал, что, будь у того возможность, Иоанн скорее бы начал войну с Турцией за крепость на полуострове Цемп, которую он сам же и отдал, и никакие отцовские чувства не остановили бы его. Однако Орхану было выгодно поддерживать Иоанна, ибо все смуты и гражданские войны в Византии – на руку Турции.

В своем письме Иоанн еще просил у Орхана военной помощи, обещая хорошо заплатить. Орхану не хотелось призывать к себе Феодору, его чувственные аппетиты удовлетворяли другие, более опытные женщины, но, раз уж события повернулись таким образом, султан решил потратить немного своего драгоценного времени на неопытную девочку. Надо только рассчитать день так, чтоб она смогла забеременеть с первого раза.

В эту же самую ночь, когда Орхан размышлял над письмом Иоанна Кантакузина, Феодора Кантакузин лежала в объятиях принца Мурада. Сегодня у них была замечательная ночь: они признались друг другу в любви. Феодоре казалось, что это самая прекрасная ночь в ее жизни.

Ей никогда еще не было так хорошо и спокойно, ничто не омрачало ее душу, разве только один тревожный вопрос: «Как долго это счастье будет

продолжаться?»

- Скажи, а ты хочешь вернуться на родину? – неожиданно спросил Мурад.

- Да, хочу, – тихо ответила Феодора; эта тема была ей неприятна.

- Должно быть, ты хочешь вернуться не как гостя, а как хозяйка?

Феодора вздрогнула и посмотрела в лицо Мураду. Она боялась, что он, по своему обыкновению, опять смеется, но он был серьезен, как никогда.

- Да, именно так! – Глаза Феодоры блестели: Мурад коснулся самого потаенного и самого сильного ее желания.

- А тебе не жалко сестру и ее мужа? Ведь для того, чтобы ты стала властительницей Константинополя, надо уничтожить их.

- Когда я была маленькой, моя сестра очень любила издеваться надо мной. Она говорила, что в то время, как она будет править Константинополем, я буду сидеть третьей женой в гареме у старого турка. Еще тогда я поклялась себе, что вернусь в Константинополь женой завоевателя.

- А что ты скажешь, если этим завоевателем будет мусульманин?

- Ничего плохого не скажу. Знаешь, мой отец всегда говорил, что у меня мужской ум; так вот, я думаю, что все религиозные различия между людьми условны. Какая разница – мусульманин ты или христианин, если Бог на небе один и судить о тебе он будет не по твоей религии, а по твоим делам.

Мурад рассмеялся:

- Мне странно разговаривать о таких вещах с женщиной, но, если честно, я нахожу твою логику безупречной и не могу с тобой не согласиться.

- Чему ты удивляешься? Я – дочь своего отца, а он не только прекрасный политик, но и просто очень умный человек, – сказала Феодора, в ее голосе слышались и смущение, и гордость.

Здесь Мурад и Феодора вынуждены были прервать разговор, небо на востоке уже посветлело – скоро проснутся обитатели монастыря, а Феодоре надо вернуться домой незамеченной.

Утром ее разбудила Ирина:

– Ваше высочество, простите, но к вам приехал посыльный от вашего мужа.

Услышав это, Феодора моментально вскочила с кровати. За все время люди султана никогда еще не приезжали в монастырь.

– Скажи, что я сейчас выйду, – сказала она Ирине и стала быстро одеваться.

Ирина вышла к гонцу и передала ему слова Феодоры.

– Как твое имя, женщина? – спросил гонец.

– Ирина, господин, – ответила женщина, почтительно поклонившись.

– У тебя хорошие отношения с твоей госпожой?

– Да. – Ирина опять поклонилась.

– Она доверяет тебе?

– Что доверяет, господин? – притворилась, что не понимает вопроса, Ирина.

– Все: секреты, мечты, надежды...

Ирина все еще не понимала – к чему клонит этот странный посланец, задавая свои вопросы? Она решила отвечать осторожно, чтобы не навредить своей маленькой госпоже, к которой очень привязалась.

– Господин, – сказала она спокойно, – моя госпожа живет в этом монастыре с самого детства. Она никого не видит, кроме монахов и монахинь. Какие у нее

могут быть секреты? А что привело вас сюда, господин?

Посланец усмехнулся:

- Не твоего ума дело, женщина. И запомни - теперь я буду приезжать сюда постоянно, а ты будешь все мне рассказывать о жизни своей госпожи. Хотя, может быть, этого и не потребует. Скажи, когда последний раз на простынях твоей госпожи была кровь?

- Почти две недели назад, господин.

- А сколько месяцев прошло с первого раза?

- Больше двенадцати, господин.

Посланец помедлил секунду, а потом заговорил, как бы обращаясь к самому себе:

- Если не взять ее сегодня, придется ждать целый месяц, а мне приказано поторопиться. - Потом обратился к Ирине: - Приготовь все самое необходимое для твоей госпожи.

- Она очень неприхотлива. Все, что ей нужно, - ее книги. Она ведь совсем не похожа на других женщин.

Лицо посланца выразило удивление, но он не стал ничего больше спрашивать у Ирины.

- Очень хорошо! Я распоряжусь, чтобы их доставили во дворец вслед за твоей госпожой. Правда, это случится не сегодня - сегодня мне надо выполнить приказ султана. - Он достал из своей сумки две маленькие серебряные шкатулки и протянул их Ирине: - В этих шкатулках - порошок, ты должна дать его своей госпоже. Из одной коробочки - перед отъездом отсюда, а из другой - перед заходом солнца.

- Но, господин, не повредит ли он принцессе?

– Не бойся, не повредит. Порошок подготовит твою госпожу душой и телом к сегодняшней ночи.

В этот момент дверь открылась и к посланцу султана вышла Феодора. Она была прекрасна. Гонец, вероятно, не ожидал увидеть такую красавицу и немного растерялся под внимательным взглядом аметистовых глаз. Через мгновение он пришел в себя, учтиво поклонился и представился Феодоре:

– Я – Али Яхиа, ваше высочество. Ваш муж – султан Орхан, сын султана Газиса, поручил мне привезти вас к нему во дворец, чтобы вы поделили с ним брачное ложе.

Произнеся эту маленькую речь, Али Яхиа опять поклонился, но тут Феодора, которая все больше и больше бледнела по мере того, как Али Яхиа говорил, упала в обморок. Ирина сразу бросилась к ней и засуетилась, приводя ее в чувство, а Али Яхиа, приписав происшедшее девичьей стыдливости и неожиданности вызова султана, вышел на улицу.

– Я приеду за вами через час, будьте готовы, – сказал он напоследок Ирине.

Через несколько минут Феодора пришла в себя. Не зная истинных причин обморока своей госпожи, Ирина пыталась ее успокоить. Она говорила Феодоре, что бояться нечего, что рано или поздно это должно было случиться – такова участь всех женщин. Ирина говорила что-то еще, но Феодора не слушала ее. Она никак не понимала, почему судьба сыграла с ней такую злую шутку. Никакого выхода из создавшегося положения она не видела. Ей очень хотелось выговориться, но рядом никого, кроме Ирины, не было. Та очень любила Феодору, была ей безгранично предана, и Феодора решилась. Она рассказала Ирине все, начиная со своей первой встречи с Мурадом до последней ночи.

Сначала Ирина не могла вымолвить ни слова, настолько неожиданным был для нее рассказ Феодоры. Однако, поразмыслив, она сказала, что ничего изменить в происходящем нельзя и поэтому Феодоре остается только безропотно ехать к султану и провести с ним ночь или больше – сколько тот захочет, а Ирина тем временем найдет принца Мурада и расскажет о том, что произошло с Феодорой. На этом они и порешили. Ирина пошла собирать вещи, и Феодора осталась одна. Ее одолевали мрачные предчувствия: Мурад забудет ее, и они никогда больше не увидятся.

Вскоре пришел Али Яхиа – пора было ехать во дворец султана Орхана. Феодору и Ирину посадили в носилки и понесли через город. Феодора совершенно не запомнила дорогу, за все время пути она не вымолвила ни слова, иногда Ирине даже казалось, что хозяйка не дышит.

По прибытии во дворец Али Яхиа проводил Феодору и Ирину в их покои – две совсем маленькие комнаты, убранство которых отнюдь не блистало роскошью.

Увидев новое жилище госпожи, Ирина рассердилась и набросилась с упреками на Али Яхиа:

– Моя госпожа лучше жила в монастыре, чем здесь. Где слуги? Где сад? Это жилище больше подходит рабыне-наложнице, чем жене султана Турции и дочери императора Византии!

– Принцесса еще ничем не заслужила расположения моего господина, – спокойно ответил Али Яхиа.

– С каких это пор византийская принцесса должна заслуживать чью-то любовь, чтобы получить сносное жилье?

– Ты требуешь у меня ответа, женщина, на вопрос, который надо задавать не мне. Я всего лишь слуга султана и выполняю его приказы. Так что успокойся и смирись. Может быть, впоследствии все изменится и твоя госпожа получит апартаменты, положенные ей по рангу.

Феодору в отличие от Ирины совершенно не беспокоило то, в какие комнаты ее поселили. Она вообще почти ничего не замечала. Слуги султана отвели ее в ванную, где тщательно вымыли и сделали массаж, умастив душистыми благовониями. Во время всех этих манипуляций Феодора не произнесла ни слова, но в душе ее все вопило: «Мурад! Мурад, где же ты?»

А он был совсем рядом и разговаривал со своим братом Сулейманом в другом крыле султанского дворца.

– Ты не знаешь, – спросил Мурад брата, – правда ли, что Иоанну Кантакузину опять нужна наша помощь?

– Не только правда, но даже больше – именно поэтому принцессу Феодору привезли во дворец, и сегодняшнюю ночь она проведет с султаном.

От такой новости в глазах у Мурада потемнело, однако брат, ничего не заметив, продолжал:

– Наш старик не очень-то хочет эту молоденькую самочку, но Иоанн требует, чтоб все условия брачного договора были соблюдены.

– Принцесса еще здесь? – спросил Мурад сдавленным голосом.

– Да. Надо сказать, она – лакомый кусочек, хотя и бледновата, на мой вкус. Бедная девочка, мне ее жаль. Наш отец, конечно, стар, но на нее у него сил хватит; к тому же он считает, что она подговорила Иоанна Кантакузина потребовать выполнения условий брачного договора.

Тут Сулеймана позвали, а Мурад поспешил к матери. К его удивлению, у нее находилась Анастасия.

– Это правда, – спросил он с порога, – что наш повелитель вызвал к себе византийскую принцессу?

– Да, – ответила Нилифер. – Анастасия говорит, что таково требование отца Феодоры. Девочка здесь ненадолго, и скоро Орхан отправит ее назад в монастырь.

Анастасия тоже хотела что-то сказать, но Мурад уже выскочил в коридор. Он никак не мог прийти в себя. «Феодора здесь!» – повторял он про себя, но это не укладывалось в голове. Самое страшное, Мурад знал, что ничем не может ей помочь.

Вдруг к нему подошла какая-то женщина.

– Моя госпожа просила передать тебе, – тихо прошептала она, – что не виновата в случившемся и ей придется выполнить супружеский долг.

Сказав это, женщина ушла с такой же поспешностью, как и появилась. Мурад же, поддавшись внезапному приступу ярости, выбежал во двор, вскочил на коня и, безжалостно погоняя бедное животное, бешено помчался из города в сторону синевших вдалеке гор.

Глава 4

Никогда еще над телом Феодоры не трудилось столько людей: его мыли, массировали, натирали душистыми маслами и благовониями. Волосы Феодоры, тщательно причесав гребешками различной величины, аккуратно уложили на голове.

После того как все было закончено, пришел Али Яхиа. Осмотрев Феодору, он еще раз убедился, что девушка безупречна, вот только выражение ее прекрасных глаз очень уж печально. Яхиа объяснил эту грусть по-своему:

– Принцесса, вы замужем уже несколько лет и до сих пор не разделяли со своим мужем ложа. В том, что он призвал вас к себе, нет ничего плохого и противоестественного. – Присмотревшись к Феодоре, он вдруг понял, что она не боится будущей ночи, а просто не хочет, чтобы все случилось. Али Яхиа стало ясно, что Феодора не хочет проводить эту ночь именно с султаном.

Однако обязанностью Али Яхиа было не размышлять, а выполнять приказания султана, и поэтому он прекратил строить умозаключения, а позвал слуг, которые с надлежащими почестями повели Феодору в апартаменты султана Орхана. Али Яхиа сначала тоже пошел за ними, но потом неожиданно вернулся.

– Жди госпожу часа через два. Будь готова: она будет нуждаться в твоей помощи, – сказал Али Яхиа Ирине и поспешил за слугами, уводящими Феодору.

Феодору привели в роскошно убранную комнату.

Мраморный пол этой комнаты был устлан мягкими коврами, а стены обиты шелком. Посредине стояла, утопая в шелках, огромная кровать; по бокам на высоких ножках стояли два серебряных светильника, украшенных искусной

резьбой. Они освещали спальню неярким, мягким светом.

Слуги, приведшие Феодору, ушли, и она осталась только с Али Яхиа и задержавшейся девушкой-рабыней.

- Пожалуйста, госпожа, ложитесь в постель, - сказал Али Яхиа.

Но Феодора находилась в таком возбужденном состоянии, что не могла сделать это без посторонней помощи. Девушка-рабыня помогла ей раздеться и лечь. Потом Али Яхиа и рабыня привязали ее руки и ноги к кровати. Феодора в ужасе закричала, Али Яхиа сделал рабыне знак, чтобы та отошла в дальний угол комнаты, и прикрыл Феодоре рот рукой:

- Тихо, госпожа, вам не сделают ничего плохого. Если я отпущу вас, вы перестанете кричать?

Феодора кивнула, и Али Яхиа убрал руку.

- Почему со мной обращаются, как с рабыней? - спросила Феодора сквозь слезы.

- Так приказал султан. Мой господин не принуждал вас к совместной жизни, понимая, что вы вышли за него лишь потому, что вашему отцу была нужна помощь. Он отправил вас в монастырь, где вы могли спокойно жить, и старался не тревожить вас. Однако недавно ваш отец потребовал, чтобы ваш брак с султаном перестал быть просто политическим союзом, а стал еще и союзом родственным.

- Мой отец? - Феодора не верила своим ушам. - Это потребовал он? Как он мог?

- Он опять нуждается в помощи султана. Ваша сестра и ее муж пытаются лишиться его власти, и ему, во-первых, опять нужны солдаты, а во-вторых - наследник. Он предложил моему господину много золота и все укрепления на Галиопольском полуострове с условием, что у вас родится мальчик.

Теперь Феодора все поняла; ей стало больно из-за того, что во всех несчастьях, свалившихся на ее голову, оказался виновен человек, которого она так любила, - ее отец. Внезапно ее мысли потекли в другом направлении.

– Почему меня привязали? – спросила она.

– Потому что вы еще неопытны в искусстве любви. По своей неопытности вы можете сопротивляться тому, что будет делать султан. Вас следовало бы обучить всему, но у нас нет на это времени. Успокойтесь, а мы постараемся подготовить вас к приходу султана. Думаю, вам придется провести с султаном ночи четыре, а потом, если все будет хорошо и вы зачнете, сможете уехать обратно в монастырь. Вы должны слушаться султана, а то придется ждать еще месяц.

Как ни странно, Феодора немного успокоилась. Она теперь знала причины происшедшего с ней, знала, что от нее требуется. И еще Феодора поняла одну страшную для себя вещь – она возненавидела своего отца. В эти ужасные минуты она стала взрослой. Возненавидела за то, что он так хладнокровно распоряжается ее жизнью в угоду своим интересам.

Увидя, что Феодора вроде бы успокоилась и молчит, Али Яхиа приступил к выполнению своих обязанностей:

– Уже скоро придет султан. Главное, запомните, не надо ничего бояться, вам не хотят причинить вред. Ваше тело еще не готово принять мужчину, но сейчас мы постараемся этому помочь.

Али Яхиа хлопнул в ладоши, и в комнату вошли две девушки – ровесницы Феодоры и женщина лет тридцати. Девушки встали по бокам кровати и начали ласкать груди Феодоры, а женщина большим пушистым пером павлина водила у Феодоры между ног. Уже знакомая волна наслаждения захлестнула молодую султаншу. Несмотря на несчастья, обрушившиеся на нее так неожиданно, она испытывала наслаждение и даже не пыталась протестовать против такого бесцеремонного отношения к себе.

Внезапно сквозь сладкую негу она ощутила на себе чей-то пристальный и неприятный взгляд и, открыв глаза, увидела, что на нее смотрит мужчина в парчовом халате. Феодора видела его только раз в жизни, но узнала сразу – это был султан Орхан. Его волосы, когда-то черные как смоль, заметно поседели, лицо испещрило множество мелких морщин, зато глаза были молоды и очень напоминали глаза Мурада. И вот сейчас они смотрели на Феодору, смотрели без вожделения, но с любопытством.

– Она действительно еще неопытна, – обратился Орхан к Али Яхиа. – Жаль, что у нас нет времени подучить ее.

Он говорил так, как будто Феодоры не было в комнате.

– Скажи, Яхиа, а она правда девственница?

– Должна быть девственницей: она все время жила в монастыре и не видела мужчин.

– Проверь. Я не очень-то доверяю женщинам с ангельской внешностью.

Али Яхиа отодвинул от кровати женщину с пером, наклонился и резким движением вставил палец руки во влагалище Феодоры. Бедная девочка вся сжалась от ужаса: никогда еще с ней не обращались так грубо. Впрочем, Али Яхиа довольно быстро оставил ее в покое.

– Она девственна, – сказал он султану, отходя от кровати.

Орхан поморщился:

– Не хочу зря терять время. Начни ты, – приказал он евнуху. – Меня еще ждет Мара.

Феодора не поверила своим ушам. Если Орхан не хочет лишать ее девственности, то как это сделает евнух? Но у Феодоры было мало времени на размышления; двое слуг широко раздвинули ей ноги, и к ней подошел евнух с деревянным предметом, по форме напоминающим фаллос. Наклонившись, он тихо шепнул, так, чтобы слышала только Феодора: «Простите меня, принцесса».

Феодора ощутила внутри себя полированное дерево и тут же почувствовала внезапную резкую боль внизу живота.

Открыв глаза, она сразу увидела Орхана, смотревшего на нее с полным безразличием. Раб снял с него халат, и Феодора удивилась, как хорошо сохранилось его тело: если не видеть лица, можно сказать, что оно принадлежит тридцатилетнему мужчине.

К султану подошла обнаженная девушка с длинными золотыми волосами, с поклоном опустила на колени так, что ее волосы полностью накрыли ноги Орхана, и начала легкими движениями рук ласкать его вялый член. Девушка не ограничилась этим. Сначала она ласкала член только руками, потом начала целовать его и в конце концов взяла его в рот.

Феодора своими глазами видела, как постепенно, по мере действия ласк, возбуждался Орхан. Вид его наливающегося кровью фаллоса пробудил в Феодоре желание; две девушки нежно ласкали ее груди, и невольно, несмотря на то, что произошло с ней несколько минут назад, Феодора почувствовала, как сердце ее стало биться чаще, дыхание стало быстрым и прерывистым, а по телу разлилось приятное тепло. Внезапно ее оставили в покое. Феодора услышала звук убегающих ног и открыла глаза. В комнате никого не было, кроме нее и Орхана. Он подошел к ней, и Феодора невольно зажмурила глаза, настолько страшным и огромным показался ей его могучий фаллос. Орхан начал ласкать тело Феодоры, поцеловал ее в губы, постепенно расположился поверх ее тела и неожиданно резко вошел в нее.

Феодора не могла бы сказать в тот момент, что ей больно, – нет, но движения Орхана были грубы, в них нельзя было заметить и намека на нежность, а только большое желание удовлетворить себя и почему-то причинить ей боль. Мужские руки мяти ее грудь, а пальцы больно щипали соски. Феодоре было стыдно и неприятно. Вдруг она почувствовала особенно сильный толчок члена Орхана, и внутри ее тела излилось что-то горячее. Орхан перестал двигаться и всей тяжестью своего тела навалился на хрупкую Феодору, отдыхая. Наконец, поднявшись, он сдвинул ее ноги и произнес: «Не раздвигай ноги, Феодора, а то из тебя вытечет мое семя». То были первые и последние слова Орхана, обращенные к Феодоре, за всю ночь. С этим султан и удалился.

Оставшись одна, Феодора наконец-то могла больше не сдерживаться – к горлу подкатил комок, и она разрыдалась. Никогда ей не было так обидно и стыдно. С ней обращались как с вещью, и она не понимала за что.

В комнату вошел Али Яхиа; он помог ей одеться и отвел к Ирине, которая заботливо уложила ее в постель.

– Господин, что с ней сделали? – Ирина была в ужасе от вида Феодоры после ее первой брачной ночи. – Она же еще совсем ребенок! За что султан Орхан так

надругался над ней?

– Ты опять задаешь вопросы, на которые я не могу ответить, – сказал как можно мягче Али Яхиа.

– Если я отвечаю за жизнь девочки, то должна знать все, что произошло и почему!

При виде такой решительности Али Яхиа не мог не улыбнуться. Ему и самому было жаль эту бедную, ни в чем не повинную девочку.

– Ладно, я расскажу тебе, в чем причина такого отношения султана к твоей госпоже, – согласился Али Яхиа. – Он считает, что она жаловалась отцу на то, что Орхан не выполняет свои супружеские обязанности. Надо признаться, я тоже сначала так думал, но, едва увидев принцессу, понял, что ошибался. Султана очень подзуживают своими речами две его старшие жены – Нилифер и Анастасия, им невыгодно, если Феодора получит расположение Орхана.

– Моя госпожа никогда не жаловалась отцу. Она никому никогда не жалуется. Не знаю, как про нее можно подумать такое. Она нежна, как цветок. А ее отец – император Византии – даже не подумал, на что обрек дочь. Не представляю, что будет, если султан не изменит своего отношения к ней. Она или сойдет с ума, или наложит на себя руки.

Али Яхиа кивнул головой в знак согласия:

– Ты права. Но, думаю, султан изменит отношение к ней. Он по природе не злой человек. Будем надеяться на лучшее. – Улыбнувшись, он добавил: – Учти, ты сегодня узнала намного больше, чем тебе положено по рангу. Так что ради собственной безопасности держи язык за зубами.

Сказав эти слова, Али Яхиа бросил последний взгляд на Феодору и вышел.

Через некоторое время Феодора очнулась.

– Как вы себя чувствуете, госпожа? – спросила Ирина, едва Феодора открыла глаза. Феодора опять заплакала.

– Боже, как я ненавижу своего супруга! Он обращается со мной, как с низкой рабыней. Но я – Феодора Кантакузин, и я отомщу! – говорила она, захлебываясь в слезах, но в голосе слышалась настоящая злость.

– Успокойтесь, госпожа, успокойтесь. – Ирина уложила обратно в постель вскочившую было в истерике Феодору. – Успокойтесь.

Ласковые руки гладили Феодору по голове, и постепенно она перестала плакать, а лишь изредка тихонько всхлипывала. Через четверть часа Феодора спала и ей снился чудный сон о ее любимом – о принце Мураде.

Глава 5

Только что проснувшийся Али Яхиа изумленно таращился на вошедшую в его комнату совсем еще маленькую девочку. У этого ребенка был очень серьезный вид.

– Господин, – проговорила девочка писклявым голосом, – принцесса Феодора просит вас прийти к ней. Следуйте за мной. – С этими словами она протянула главному евнуху маленькую пухлую руку и повела его в апартаменты Феодоры.

Когда Али Яхиа уходил вчера из спальни Феодоры, он не был уверен, что она переживет эту ночь. И вот сейчас, войдя в ее комнату, он впервые по-настоящему осознал значение слов «царственный облик».

Феодора сидела на высоком стуле, чем-то напоминающем трон, вся одежда ее была из дорогого шелка зеленого и голубого цветов, на ней не было украшений, впрочем, от этого она только выигрывала. Красота ее ослепляла, но Али Яхиа сразу заметил, что в Феодоре начисто пропала очаровательная детскость. Перед ним сидела не неопытная девочка, а ослепительная, знающая себе цену женщина. Аметистовые глаза смотрели серьезно и холодно.

– Скажи моему мужу, – заговорила Феодора, – что, если хоть раз повторятся события прошлой ночи, я буду вынуждена сообщить об этом своему отцу – императору Византийской империи. Я осведомлена о своих обязанностях и

постараюсь произвести на свет ребенка, которого от меня ждут, но впредь султан должен приходиться в нашу спальню один, как и полагается в христианском браке. Если он хочет обучать меня искусству любви, пусть сам займется этим, не прибегая к насилию.

Али Яхиа был поражен, но умело скрыл свое удивление.

– Я все сделаю, принцесса, – сказал он и поклонился.

– Надеюсь на тебя, Али Яхиа. Я знаю, что вчера ты не желал мне зла и жалел меня. Твою доброту я не забуду. Спасибо.

Али Яхиа поклонился и уже попятился к двери, когда Феодора остановила его:

– Чуть не забыла. Распорядись, чтобы мне привезли всех моих слуг и рабов.

– Во дворце вы найдете множество слуг, принцесса.

– Мне не нужны слуги, которых мне пришлет Анастасия, или Нилифер, или кто-нибудь еще из фавориток султана. Мне нужны мои собственные слуги и рабы. Понимаешь?

Али Яхиа утвердительно кивнул.

– Ваше желание будет исполнено, принцесса, – сказал он и отправился искать султана.

Он застал его в компании с новой фавориткой, которую звали Мирима. Она выросла в гареме, обладала хорошими манерами и богатым эротическим опытом. Али Яхиа приблизился к ним как раз в тот момент, когда Мирима положила себе в рот ягоду, а Орхан языком пытался достать ее оттуда. Тут он заметил Али Яхиа, отодвинул от себя Мириму и спросил:

– Что-нибудь срочное, Яхиа?

– Да, ваше величество.

Орхан сделал знак рукой, и Мирима удалилась.

– Говори.

– Ваше величество, я прошу, чтобы вы заранее простили меня.

Орхан был заинтригован. Али Яхиа служил ему уже двадцать пять лет, и султан доверял ему, как себе самому. Никогда за все годы службы Али Яхиа не просил прощения в самом начале разговора.

– Говори, мой старый друг, – повторил Орхан.

– Для начала я хочу сказать, что принцесса Феодора не причастна ни к каким интригам, в которых ее обвиняют. Я немного узнал ее: до сегодняшнего дня она была невинным ребенком. – Али Яхиа остановился и подождал, пока султан вникнет в его слова. – Этим утром она вызвала меня к себе, – продолжил он и, немного сглаживая резкие, требовательные обороты речи, передал султану утренний разговор с Феодорой.

Султан был в восторге. Смелость Феодоры восхитила его.

– Может быть, мне открыть школу любви для маленьких девственниц? – с улыбкой спросил он у Али Яхиа. – Но, если говорить серьезно, я не очень-то верю в ее неучастие в отцовских интригах.

– Я же, напротив, уверен в этом, ваше величество. И понял это сразу же, как только увидел ее в монастыре Святой Екатерины.

Орхан мягко улыбнулся:

– Решено. Я изменю отношение к этой девочке, но только потому, что доверяю тебе, Яхиа. Сегодня ночью я приду к ней один.

Орхан сделал знак рукой, и Али Яхиа удалился. Он пошел искать Феодору, чтобы доложить об успешном исполнении поручения. Али Яхиа теперь заметно изменил отношение к Феодоре. Прошлой ночью он видел в ней ребенка, жалея ее, как и любую другую девочку, на которую свалилось бы подобное несчастье;

сейчас же он оценил Феодору как незаурядную личность, предвидя, что через некоторое время она станет играть большую роль в окружении султана.

Он отыскал Феодору в ее комнате. Сидя на корточках, она копалась в ворохе своих одежд. Боже, чего здесь только не было! Костюмы для верховой езды, легкие туники, длинные сарафаны, ночные рубашки, платья для торжественных приемов и многое, многое другое. Рядом с Феодорой стояла шкатулка с золотыми и серебряными украшениями, среди которых опытный глаз Али Яхия сразу разглядел дорогие изделия известных мастеров.

- Приветствую вас, принцесса!

Феодора кивнула в ответ, указав ему на диван и давая тем самым понять, что он может сесть.

- Я выполнил поручение, принцесса, и передал султану ваши слова...

В это же время султан Орхан сидел один в своих апартаментах, размышляя о том, что сказал ему Али Яхия. Конечно, его вовсе не испугали угрозы Феодоры, но ему пришлось по душе, с каким пылом это дитя отстаивало свою честь.

Вечером он один, без сопровождающих, направился в спальню Феодоры. Она уже ждала его; на ней было полупрозрачное шелковое платье небесно-голубого цвета - и никаких украшений.

Завидя его, Феодора привстала, сделав движение, чтобы снять платье.

- Нет, - остановил он ее. - Вы так спешите, моя Феодора?

- Но, мой господин, меня здесь учили, что я должна быть послушной и понятливой и не задавать лишних вопросов.

В ее низком мелодичном голосе слышалась неприкрытая насмешка.

- Посмотри на меня, - повелительно сказал Орхан.

Она повиновалась, посмотрев прямо в лицо Орхану своими чистыми аметистовыми глазами. Орхан приблизился к ней, обнял и поцеловал в самые губы, его пальцы ощутили под тонким шелком нежное девичье тело. Он почувствовал, как она вздрогнула от его прикосновений.

- Ты боишься меня, Феодора?

- Немножко, мой господин. После прошлой ночи.

Султан сделал резкое движение рукой, как будто рубил что-то мечом.

- Прошлая ночь - случайность. Забудь. Мы начнем с сегодняшней ночи.

Перед глазами Феодоры, как наяву, встал евнух, приближающийся к ней с деревянным фаллосом.

- Да, мой господин, - сказала она. Орхан неторопливо снял с нее одежду и положил юную женщину на диван. Он покрыл ее тело мелкими поцелуями, так не похожими на те, что он небрежно дарил ей прошлой ночью. В них не было никакой грубости, лишь нега и страсть. Его руки стали ласкать ее грудь, кончиками пальцев слегка касаясь сосков.

Сердце Феодоры забилось быстрее, дыхание стало чаще. Жаркая волна наслаждения пробежала по ее телу. Рука Орхана спустилась с груди Феодоры вниз, к животу, потом еще ниже, к бедрам, и наконец оказалась между ее прекрасных ног, лаская самое нутро этого юного нежного тела.

- О мой господин! - простонала Феодора.

- Тебе нравится? - спросил Орхан. - Тебе нравится то, что я делаю с тобой?

Она не могла ответить. Ее тело трепетало от его прикосновений. Перед глазами замелькали какие-то смутные образы, среди которых наиболее явственно проступало лицо принца Мурада. Она вдруг с ужасом подумала, что сейчас, в порыве страсти, может назвать Орхана его именем.

Руки султана познали все тайные уголки ее тела. Его ласки становились все более страстными, но даже сквозь этот сладостный туман Феодора порой невольно вспоминала другой облик султана, тот, что приоткрылся ей прошлой ночью. Внезапно султан отстранился, на секунду прервал свои ласки и начал внимательно рассматривать тело Феодоры: шелковую кожу, мягкие золотистые волосы, что в беспорядке разметались по подушке, глаза с дрожащими ресницами, приоткрытый от частого дыхания рот, грудь, набухшую от вожделения. Все это пробудило в Орхане страстное желание, он наклонился, поцеловал мягкие волосы на лобке Феодоры, потом скользнул вниз и начал нежно ласкать ее языком.

Такого Феодора еще не испытывала. Ей казалось, что тело больше не повинуется ей.

- О мой Бог! - простонала она. - Целуй меня, целуй меня еще, еще...

Это было непередаваемое чувство, когда все тело живет в такт движениям чужого языка, когда хочется быстрее добраться до самого конца, до самой вершины наслаждения, в то же время желая, чтобы оно продолжалось нескончаемо долго. Сознание Феодоры находилось где-то на грани грез и реальности. Она видела себя в монастырском саду, сильные руки принца Мурада сжимали ее в объятиях, а мягкие губы скользили по ее белой коже. «Главное – не выкрикнуть его имя» – эта мысль постоянно возвращала Феодору во дворец султана Орхана.

Она уже почти дошла до вершины наслаждения, когда Орхан оторвался наконец от ее тела. Резкими движениями сорвав с себя халат, он лег на Феодору. Она невольно раздвинула ноги шире, он без видимых усилий глубоко проник в ее плоть и начал медленно, а потом все быстрее и быстрее двигаться. Он не наваливался на Феодору всей тяжестью тела, как в прошлую ночь, а держал его слегка на весу, упираясь в кровать локтями, что давало ему возможность ласкать пальцами напряженные розовые сосочки прекрасной византийской принцессы. Двигался он на этот раз быстрыми мягкими толчками, без какой-либо агрессии; он будто хотел, чтобы сегодня ночью Феодора познала всю полноту наслаждения и счастья от физической близости с ним. Его черные глаза неотрывно смотрели ей в лицо, она чувствовала это, несмотря на то что ее глаза были закрыты. Ему нравилось следить за тем, как она судорожно хватается ртом воздух или в истоме прикусывает зубами нижнюю губу.

Феодора находилась во власти сладких видений. Ей чудилось, что она лежит в крепких объятиях принца Мурада, всем своим нутром прислушиваясь к мягким толчкам его фаллоса. Сильные руки нежно сжимали ее груди, а горячий язык властно вторгался в рот, приятно щекоча десны. Ей хотелось разорваться на две части, чтобы любимый как можно глубже утонул в ней. Жаркая волна пробежала по телу Феодоры, кровь застучала в висках, она вскрикнула и тут почувствовала, как внутрь ее тела выплеснулось горячее семя. Пришло ощущение какого-то освобождения, легкости, сладостной истомы...

Она открыла глаза. Боже! Где принц Мурад? Кто этот отвратительный старик?

– Ты прекрасна, очаровательна, бесподобна! – в восторженном порыве вскрикнул султан. – Ты умеешь чувствовать чужое тело, ты, невинная девочка! Я обожаю тебя! Ты мое счастье! Фео-одо-ра! Фео-одора! О Аллах! Я люблю тебя, Феодора!

Орхан обнял ее и поцеловал. Его руки опять начали ласкать ее тело, и он вновь возбудился. Феодора сама ощущала сильное желание, но, когда он вторично овладел ею, ей почему-то захотелось плакать...

Под утро, сидя на постели, они пили легкое вино и ели сладкий шербет.

– Малышка, тебе не нужны никакие учителя, ты и так все умеешь, – сказал Орхан и положил в рот кусочек шербета. – Ах, моя сладкая женушка, как я тебе благодарен, – добавил он, жуя. – Теперь я у тебя в долгу. Моя обожаемая Феодора, ты – моя единственная любовь. – В его голосе слышались интонации Мурада, какие-то неуловимые особенности произношения, словно легкое эхо. – Я теперь никуда не отпущу тебя, моя любимая Адора.

Эти слова как кинжал вонзились в сердце Феодоры, имя, которым называл ее Мурад, теперь вторично давалось ей устами его отца.

– Адора! – решительно произнес он. – Теперь ты будешь моей Адорой.

– Почему ты назвал меня этим странным именем? – почти прошептала она.

– Потому, – сказал он, поцеловав ее в губы, – что ты – моя дорогая, значит – Адора.

Какая насмешка судьбы: и отец, и сын в порыве страсти пользовались одними и теми же словами, и можно было подумать, одинаково чувствовали, одинаково воспринимали Феодору, иначе чем объяснить то, что, не сговариваясь, они дали ей одно и то же имя?!

А она? Теперь она – настоящая жена султана и должна выкинуть принца Мурада из головы. Вся ее энергия должна быть сосредоточена на том, чтобы подарить сына мужу и внука отцу, чтобы слилась воедино кровь турецких султанов и Кантакузинов, чтобы у ее отца был наследник. Она – Феодора Кантакузин, принцесса Византийской империи, знает свои обязанности жены султана и верной дочери Иоанна Кантакузина и выполнит их, чего бы ей это ни стоило!

Она не знала, откуда пришли к ней такие мысли. Может, то была тихая истерика, а может, давала о себе знать бессонная ночь. Возможно, она просто боялась будущего, в котором, как ей казалось, не было места для Мурада. Ей захотелось, чтобы Орхан побыстрее ушел, а она, оставшись одна, могла бы дать волю чувствам, переполнявшим ее маленькое сердечко, к которому этой ночью незаметно подкралась черная тоска.

Глава 6

Феодора сидела за вышиванием в саду около журчащего фонтана. Иногда из воды выпрыгивали маленькие золотые рыбки; когда они падали обратно, слышался негромкий всплеск, который немного диссонировал с мерным струением падающей воды. Над головой девушки сплетались ветви миндаля и вишни, покрытые только что распустившимися цветами, которые красиво сочетались с голубыми гиацинтами, белыми и желтыми тюльпанами и ярко-красными розами.

Феодора задумалась, она не заметила, как сзади к ней подошла ее служанка Ирина.

– Госпожа, сюда идут Анастасия и Нилифер, – почтительно доложила она, успев, правда, пробормотать сквозь зубы: – Чего эти две старые вороны повадились приходить к вам каждый день?

– Замолчи, – строго приказала Ирине хозяйка, хотя губы ее невольно дрогнули и видно было, что еще немного – и она бы от этих слов рассмеялась.

– Добрый день, Феодора.

– Добрый день, Феодора.

– Добрый день, – чинно ответила она, про себя подумав: «Ирина права, они и впрямь похожи на ворон». Но на ее прекрасном лице эта мысль никак не отразилась, оно сохранило радушное и приветливое выражение. – Садитесь, – сказала она и повернулась к Ирине: – Принеси нам вино и фрукты.

Две пожилые женщины уселись напротив Феодоры. Анастасия бросила взгляд на увеличившийся живот девушки и изобразила на лице сочувствие.

– Какой большой ребенок! – воскликнула она. – И это всего лишь после двух месяцев. Не удивлюсь, если при рождении он разорвет вас напополам.

– Не говорите глупости, – осадила ее Нилифер, увидев, как побледнела Феодора. – Когда я носила в себе и Мурада, и Сулеймана, и Фатиму, я тоже не отличалась худобой, но не из-за того, что дети были очень большие, а просто во мне было слишком много воды. Не бойся, – сказала она, уже обращаясь к Феодоре, – у тебя родится прекрасный, здоровый ребенок, и ничем он тебе не повредит.

Феодора посмотрела на Нилифер с благодарностью.

– Я не боюсь ни за себя, ни за своего ребенка, – негромко ответила она.

Она отметила, как по-разному относятся к ней эти две женщины. Достаточно было посмотреть в их глаза. Анастасия, даже когда она говорила самые добрые и хорошие слова, смотрела на Феодору холодным, ледяным взглядом. А у Нилифер глаза были ласковые и теплые.

Пришла Ирина и принесла фрукты. Проходя мимо Анастасии, она случайно споткнулась и несколько плодов уронила, задев первую жену султана.

– Неуклюжая дура! – воскликнула женщина, которая еще секунду назад хотела казаться скромной и доброй.

– Вы не имеете права кричать на нее, – спокойно возразила Феодора, – это моя рабыня, я накажу ее сама. Ирина, попроси у госпожи Анастасии прощения.

Ирина упала на колени и склонила голову.

– Ох, что же я наделала, моя госпожа, что же я наделала! – громко причитала она.

– Ничего страшного, – успокоила ее хозяйка, – такое могло случиться с каждым. Позови слуг, чтобы побыстрее почистили платье уважаемой госпожи Анастасии. – Тут Феодора мельком взглянула на Нилифер и заметила, что та еле сдерживает себя, чтобы не рассмеяться.

Поначалу Феодора относилась к Нилифер так же, как к Анастасии, но по мере знакомства со второй женой султана она все больше понимала, что если в этом дворце у нее и появятся какие-нибудь друзья, то в первую очередь это будет мать Мурада. После только что описанного происшествия все сомнения прекрасной византийской принцессы на этот счет развеялись. Она явственно видела в Нилифер союзницу и друга; стало даже немножко неудобно за утреннее сравнение ее с вороной.

Мать Мурада относилась к Феодоре с ответной симпатией. С первой же их встречи она влюбилась в нее. Она сразу же поняла, что новая жена Орхана еще не испорчена политическими интригами, развращенной жизнью при дворе, борьбой за власть, то есть тем, чем здесь занимались все, от мала до велика, от самого жалкого раба, мечтающего выбиться в фавориты, до ближайших приближенных ее мужа. Феодора очень напоминала матери Мурада дочь, которая была выдана замуж за хана Самаркандского и совсем недавно уехала к нему на родину.

Если бы не Нилифер, Феодоре пришлось бы один на один оказаться с такой опытной в дворцовых интригах, опасной соперницей, как Анастасия.

Девушки-рабыни почистили платье первой жены султана. Три женщины уже собирались было продолжить прерванный разговор, но увидели, что к ним

приближается сам султан в сопровождении двух любимых сыновей. За четыре месяца, прошедшие после первой ужасной брачной ночи, Феодора разобралась в своих чувствах к султану. Она относилась к нему как к хорошему другу, и это отношение помогало ей: теперь, когда стало ясно, что она беременна, не приходилось удовлетворять его ненасытную похоть ласками.

Она многое узнала: Орхан вправду нашел ей хороших учителей в своем гареме. Почти каждый день она ходила на урок, где ей рассказывали о различных любовных утехах. Иногда эти своеобразные лекции сопровождались живым показом, в таких случаях несколько девушек изображали то, о чем шла речь. Во время «лекций» Феодора стыдилась и нередко краснела, но никогда не жаловалась, хотя нельзя сказать, чтобы душа ее безоговорочно принимала все, чему ее учили.

Естественно, что одним из сыновей султана, шедших с ним к Феодоре, был Мурад. Сердце Феодоры болезненно сжалось. Он спокойно шел слева от отца, и лицо его не выражало никакого волнения. А Феодоре хотелось закричать и броситься к нему на шею.

Они ни разу не виделись со времени последней встречи в монастырском саду. Он даже и не смотрел на нее сейчас, хотя Феодора понимала каким-то внутренним чутьем, каких усилий стоило Мураду не бросить на нее хоть беглого взгляда.

Справа от султана шел принц Сулейман. Феодора встречала его много раз после своего появления во дворце Орхана. Это был высокий мужчина с такой же смуглой кожей, как у отца, и такими же глазами, как у брата. Он уже был представлен молодой жене султана и относился к ней как к любимой младшей сестре.

Подойдя, Мурад и Сулейман поздоровались с матерью, которая не могла скрыть гордости за таких взрослых и красивых сыновей. Орхан же подошел к своей молодой жене и поцеловал ее в губы. Потом он взял за руку Мурада и подвел его к невольно побледневшей девушке.

– Познакомься, сын мой, это – моя драгоценная Адора. Ей, наверное, не очень приятно, что ее муж старик, но, – добавил он, с улыбкой глядя на ее живот, – этот старик тоже кое на что способен.

– Вы очень счастливы, отец мой, имея такую жену, – выговорил с трудом Мурад и впервые посмотрел на Феодору.

Она сначала опустила глаза, но, набравшись сил, решилась и взглянула прямо в его черные очи; они смотрели на нее холодно и презрительно.

– Я не сомневаюсь, принцесса, что вы родите моему отцу прекрасного сына или дочь. – В его голосе послышалась издевка.

Феодоре показалось, что она не выдержит презрительного взгляда и насмешливого тона и при всех упадет в обморок. Но она пересилила себя.

– Женщины из рода Кантакузинов всегда рожали хороших детей своим мужьям, принц Мурад, – сказала она гордо.

Знал бы он, каких усилий стоила ей эта гордость!

На его лице опять появилась презрительная усмешка.

– Я буду с нетерпением ждать рождения моего брата или сестры.

Нилифер посмотрела на своего младшего сына с недоумением. Она не понимала, почему он в таком тоне разговаривает с Феодорой, ведь она такая очаровательная девушка. Через некоторое время, когда Феодора уже ушла из сада, Нилифер несколько раз дала понять младшему сыну, что недовольна его поведением.

По прошествии нескольких недель после описанных выше событий Феодора уехала в Бурсу, где она должна была находиться до самого рождения ребенка. Она с нетерпением ждала предстоящего события, почему-то уверенная, что будет сын, и уже придумала ему имя – Халил. Ей очень хотелось, чтоб он был похож на Матвея, ее младшего брата. Она наняла для своего будущего сына прислугу и пребывала в непонятном сладостном ожидании. Мысли о принце Мураде не посещали ее, разве только однажды под утро после бессонной ночи.

В жаркое июньское утро молодая жена султана Орхана Феодора родила здорового, красивого ребенка – сына. Месяц спустя Орхан получил обещанное

золото и все укрепления на Галиопольском полуострове.

Султан очень полюбил малютку и проводил с ним много времени.

Его страсть к Феодоре, однако, угасла. Во дворце было много красивых женщин, и за время ее беременности он успел забыть наслаждение, которое дарили ее объятия. Гордая Феодора не напоминала о себе и опять осталась совсем одинокой, как и два года назад.

Глава 7

Феодора была не на шутку разгневана:

– Я всегда только приветствовала занятия Халила скачками, ибо я хочу, чтобы из него вырос настоящий мужчина, но надо знать меру, Али Яхиа. Тому рабу, что присматривал за моим сыном, выдайте десять ударов плетью и поступайте так всегда в подобных случаях. С сыном я поговорю сама и с Сулейманом тоже. Пойми, – голос Феодоры немного смягчился, – Халилу только шесть, а этот жеребец – для взрослого мужчины, он мог убить моего сына.

– Он – сын Орхана, дитя этой земли, а здесь дети рождаются со шпорами. У нашей нации в крови любовь к лошадям, и было бы удивительно, если бы твой ребенок стал исключением, – попытался возразить Али Яхиа.

Феодора грустно улыбнулась. Ее гнев проходил, и осталось только беспокойство за жизнь сына.

– Я все понимаю, но то, что произошло, намного серьезнее, чем ты себе представляешь. Доктор сказал, что у Халила были все шансы не оправиться после такого падения. Он обещал, что сделает все возможное, но предупредил, что одна нога мальчика может так и остаться немного кривой.

Али Яхиа промолчал. Да и что тут скажешь в ответ? Правда, по его лицу можно было подумать, что он хочет сказать что-то очень важное, но никак не осмеливается.

– Принцесса, – все же начал он, медленно выговаривая слова, – как вы не можете понять, несмотря на то что уже так долго живете среди нас, что главное чувство, что движет людьми, живущими в этом дворце, это желание власти. Я, вероятно, говорю то, о чем мне не положено, но мне кажется, вас надо предупредить. Здесь никто не остановится ни перед каким убийством ради того, чтобы убрать с дороги соперника. Извините меня, но в большинстве случаев соперниками являются дети султана, то есть родные братья. Надо быть очень осторожным, живя при дворе нашего султана. Как вы думаете, почему у принца Мурада нет детей? У него их нет, потому что он понимает, что в любой момент он может стать злейшим врагом своего брата, принца Сулеймана, и хочет рисковать только своей жизнью. Ваш сын, принцесса, один из наследников султана, и сейчас, когда Орхан уже стар, принц Халил начинает кому-то очень мешать. Я еще раз прошу прощения за мою дерзость, – закончил Али Яхиа и низко поклонился.

Феодору как громом поразило то, что в порыве неожиданного откровения сказал ей Али Яхиа. Сулейман хочет убить ее маленького Халила! Своего любимого младшего братика! Сулейман, который приходил к нему каждый день и приносил какой-нибудь маленький подарок. Она помнила, что глаза Сулеймана могли быть ледяными, но они никогда не были такими, когда он смотрел на ее сына. Но все же, вероятно, Али Яхиа прав. Сулейман всегда стремился к власти, это была его главная цель в жизни. Он любил, когда ему беспрекословно подчинялись, любил, когда ему льстили.

Неожиданно Феодора вспомнила, как еще в детстве ей рассказывал отец о том, что турки дарят много подарков человеку, если знают, что потом будут вынуждены его убить. Он сказал тогда, что люди этой нации никогда не испытывают чувства благодарности и жалости.

При этом воспоминании у нее пошел мороз по коже. Боже! Что теперь делать? Али Яхиа прав. Султан при смерти, ее и Халила некому защитить. Ее отец потерял венец императора еще три года назад. Надо сказать, что давно в Византии так не ненавидели какого-нибудь императора, как ее отца. После свержения он уединился в монастыре, который, кажется, находился в Спарте. В том же монастыре жил и ее младший брат Матвей.

Ее старшая сестра Софья была убита своим мужем, когда тот застал ее в постели с очередным любовником. Кстати, это был ее третий по счету муж.

Елена, правда, оставалась императрицей, но у нее Феодора никогда не попросит помощи. Слишком уж «по-сестрински» они относились друг к другу. Феодора невольно вспомнила, как не так давно Орхан написал Елене и просил, чтобы та приняла у себя его третью жену. В ответе Елены говорилось, что дочери узурпатора Иоанна Кантакузина лучше не возвращаться в Константинополь, потому что народ крайне враждебно относится к этому роду. Через турецких агентов потом стало известно, что Елена как-то во всеуслышание заявила, что Византия – враг всем нехристианским государствам и не пустит на свою территорию жен всяких неверных.

Елена, вероятно, забыла, что она тоже является дочерью Иоанна Кантакузина, забыла, что если бы не ее маленькая сестра, жена «всякого» неверного, то ей, Елене, никогда бы не сидеть на троне византийских императоров.

Положение Елены тоже теперь было довольно шатким. От империи постоянно отпадали то отдельные города, то целые области. Власть императора в Греции была уже чисто формальной, а на побережье Черного моря у Византии почти не осталось городов.

Елена не понимала, что даже в землях, находившихся под властью императора, уже утратилось былое преклонение перед помазанниками Божьими. Императорская мантия и императорский венец превратились в простые украшения, ибо люди, носившие их, не обладали реальной силой. Страна распадалась на мелкие кусочки, и каждый мелкий чиновник имел больше власти, чем императорская чета. Феодора зорко наблюдала за всем происходящим на родине и понимала, что, соберись турки воевать с Византией, они могли бы без особых усилий дойти до Константинополя. Феодора знала от купцов, приезжающих из Византии, что любимое развлечение Елены – смотреть, как пытаются или казнят турецких шпионов, и ее поражала недалёковидность сестры.

Почему-то сейчас, во время этих невеселых размышлений, Феодоре вспомнился Мурад. Он ведь так и жил без жены или фаворитки. Ей было интересно – вспоминает ли он их недолгую страстную любовь? Она бы удивилась, узнав, что вспоминает.

Он редко бывал в Бурсе и больше времени проводил в Галиополе. Феодора рассмеялась, вспомнив, как ловко провел ее отца под Галиополем султан Орхан. Это случилось уже после рождения Халила и выплаты Иоанном обещанного

золота. Принц Сулейман и принц Мурад по приказанию отца заняли с войсками крепости на Цумпе, который, в свою очередь, находился на большом Галиопольском полуострове. Однажды ночью внезапным броском турецкие войска захватили большой византийский город Галиополь. Сделал это Орхан не потому, что вероломно решил нарушить свое соглашение с византийским императором, а потому, что узнал о продвижении войск под началом Иоанна Кантакузина к турецкой границе. Султан просто упреждал удар вражеских сил.

Когда отец Феодоры узнал о происшедшем, было уже поздно. Ему пришлось выплатить Орхану десять тысяч золотых, чтобы предотвратить дальнейшее продвижение турецких войск. Правда, к Византии обратно отошли все укрепления на Цумпе, но с Галиополем пришлось расстаться навсегда. Эта неудача и послужила поводом низложения Иоанна Кантакузина.

После свержения отца Феодора испугалась за судьбу сына и свою собственную, потому что теперь ее присутствие на турецкой земле никакой выгоды султану не давало. Тогда ей очень помог Сулейман, который сейчас, может быть, желает смерти ее сыну.

Вскоре после этих размышлений Феодора Сулейман пришел извиниться, что подарил ее сыну лошадь, которая едва не стала причиной большой трагедии.

Феодора выслушала извинения, но, вспомнив недавний разговор с Али Яхиа, решила поговорить с принцем откровенно:

– Принц, Али Яхиа сказал мне, что после смерти султана мой сын будет представлять для тебя угрозу.

Сулейман немного помедлил, потом сказал:

– Это правда, принцесса. Но если он откажется от претензий на престол, то ему ничего не грозит. Я очень люблю своего младшего брата, и мне будет жаль, если мы станем врагами. Есть еще один выход – вам нужно уехать из страны и вернуться только после окончания борьбы.

– Я хочу вернуться в Константинополь, Сулейман, и вернуться вместе с сыном. Он, правда, об этом еще не знает, но я хочу уехать отсюда как можно быстрее.

– Опомнись! Вы не должны делать этого. Там вас не ждет ничего хорошего. Ты – жена султана Турции, Адора, и тебе не пристало ехать в город, где тебе не дадут даже приличное для твоего сана жилье. Твоя сестра ненавидит тебя и будет только рада, когда ты сама попадешь к ней в руки. Она не посмеет тебя убить, но подвергнет унижениям.

Казалось, Сулейман был не на шутку обеспокоен словами Феодоры; она даже не предполагала, что его может так волновать ее судьба.

– Ну а куда же мне прикажете ехать, не в твой же дворец? – иронически воскликнула Феодора.

– Я найду для вас хорошее жилье, не хуже, чем мой дворец! Забудь то, что я сказал только что! Ни тебе, ни твоему сыну ничего не угрожает, клянусь в этом! Вам не надо никуда уезжать.

Феодора была озадачена такой пылкостью всегда очень расчетливого молодого человека. Она посмотрела ему в глаза и сразу все поняла. В них была страсть. Принц Сулейман, еще несколько секунд назад хладнокровно рассуждавший о том, как ей поступать, чтобы ему не надо было убивать ее сына, оказывается, влюблен и желает ее. Наверное, то, что Феодора впервые разговаривала с ним откровенно, заставило его сбросить маску верного своему отцу сына и примерного мусульманина.

– Ты очень добр, принц Сулейман, – сказала Феодора, не показав, что она все поняла. – Но, чтобы не подвергать жизнь моего сына опасности, я все-таки предпочту уехать.

Этими словами она давала понять, что разговор окончен. Принц учтиво поклонился и оставил ее одну. Она была довольна удачной беседой; ее сыну больше ничто не угрожало, ведь Сулейман теперь знал, что она увезет Халила из страны. Но его внезапно вспыхнувшая страсть насторожила ее. Неизвестно еще, чем она обернется. Феодора сама не заметила, как начала рассуждать вслух:

– Странно, почему я никогда не замечала в нем таких чувств? Он относился ко мне как к сестре, а тут такая пылкость, такая страсть. Чем же я его так покорила?

- Посмотрите в зеркало, госпожа, – раздался голос Ирины из-за портьеры.

Через секунду она уже склонилась перед Феодорой в ожидании приказаний.

- Ты была здесь и все слышала?

- Нет, моя госпожа, только окончание вашего разговора. Я зашла, когда принц Сулейман уже уходил, а потом не решилась отвлечь вас от раздумий.

Феодора рассмеялась:

- Дай мне зеркало, ты, неисправимая старая пролаза.

Ирина принесла ей маленькое зеркало, и Феодора начала придирчиво разглядывать свое прекрасное лицо, но не так, как она это делала всегда, а как посторонний наблюдатель. Из зеркала на нее смотрела очаровательная молодая женщина с золотистыми, пышными волосами, красиво обрамляющими лицо, чувственное и нежное, с изящным заостренным носиком, искрящимися аметистовыми глазами, в которых, казалось, можно было утонуть, и нежнейшими алыми губами, как будто созданными для того, чтобы их целовали, и вдобавок ко всему белоснежная кожа, гладкая как шелк.

Вдоволь налюбовавшись, Феодора бросила зеркало на диван, а сама подошла к другому, большому венецианскому зеркалу в золотой раме и стала разглядывать себя. Перед ней стояла высокая женщина, гибкая, как молодая ива, с тонкой талией и высокой грудью.

- Это действительно я? – спросила она себя. – Да, это я. У меня хорошая фигура.

Феодора рассмеялась:

- Надо же, а ведь к этому телу уже столько лет не прикасался ни один мужчина.

Она снова взглянула в зеркало.

- Я прекрасна, – громко заключила она.

– Да, моя госпожа, – подтвердила Ирина последние слова хозяйки. – Теперь вы видите, почему принц Сулейман смотрел на вас с такой страстью. Извините, но что, если, когда вы станете вдовой, вам выйти за него замуж? Тогда вы обеспечите будущее свое и сына, к тому же опять станете женой султана.

В глазах Феодоры вспыхнул гнев, и, если бы перед ней стояла не Ирина, а другая служанка, Феодора приказала бы выпороть ее, но на Ирину у нее не поднималась рука.

– Я не хочу быть его женой, – ответила она, подавив внезапную вспышку гнева, – у него и так уже четыре жены, а больше ему иметь запрещено. Наложницей же я не буду даже у того, кого люблю.

– Ой, да что ему стоит развестись с одной из жен! Они же обыкновенные рабыни, а вы – византийская принцесса. Я же вижу, госпожа, чего вам не хватает: вам не хватает любви. А если вы последуете моему совету, у вас ее будет в достатке.

Ирина могла бы говорить еще долго, но Феодора прервала зарвавшуюся рабыню.

– Хватит! – закричала она. – Замолчи, а то я тебя ударю!

Ирина быстро ретировалась из комнаты, хотя и не поняла, чем так сильно прогневала госпожу.

Едва за ней закрылась дверь, как к Феодоре вбежал сын.

– Мама, смотри, я опять хожу без костылей! – крикнул он, едва переступив порог, и неловко побежал к матери. Он сильно хромал на правую ногу.

– Я очень горжусь тобой, сынок, – ласково сказала Феодора и поцеловала мальчика. – Скажи мне, Халил, – спросила она уже серьезно, – тебе не надоело здесь, в этом городе?

– Немного, – ответил он, вопросительно посмотрев на мать, не понимая, к чему она заговорила об этом.

- Ты не хочешь поплавать по морю?

- А куда, мама?

- В Фессалию. Я думаю, путешествие пойдет тебе на пользу, говорят, что тамошний климат имеет целебные свойства.

- Ты поедешь со мной?

- Не знаю. Если только разрешит твой отец, - ответила она, про себя удивившись, что совершенно забыла, что султан еще жив.

Халил схватил мать за руку.

- Можно я поиграю во дворе? - спросил он.

Феодора хотела отпустить его, но потом решила прямо сейчас пойти с ним к Орхану. Она взяла мальчика за руку и повела его по узким дворцовым коридорам к апартаментам своего мужа.

- Доложи его величеству, что пришли его жена - принцесса Феодора и его сын - принц Халил и хотят поговорить с ним, - сказала она стражнику, стоящему перед дверью в спальню султана.

Через некоторое время стражник вернулся и впустил их в спальню. Первое, что они увидели, - это сидящая на ковре полуобнаженная девушка, последняя фаворитка султана. Даже на смертном ложе Орхан оставался верен себе. Когда Феодора с сыном проходили мимо девушки, Халил изловчился и пнул ее ногой.

- Чего ты здесь расселась, - прошипел он, - не видишь, что мама пришла?

Феодора одернула сына, но Орхан только рассмеялся:

- Ты родила мне настоящего воина, Феодора. Хотя, конечно, воевать с женщинами - не лучшее начало. Запомни это, Халил. А ты, - обратился он к девушке, - оставь нас.

Девушка ушла, и они остались втроем.

– Сядь ко мне поближе, сынок, – попросил Орхан.

Халил залез прямо на кровать, в которой лежал его отец, а Феодора опустилась на невысокий табурет. Орхан смотрел на нее, выжидая, что она скажет.

– Я пришла к тебе, мой господин, чтобы ты разрешил мне уехать в Фессалию и забрать с собой сына. Ему после травмы нужен свежий воздух, и я решила отвезти его туда.

Орхан нахмурился:

– А зачем тебе ехать вместе с ним?

– Халил еще маленький мальчик, ему будет тяжело без меня, к тому же сейчас за ним нужен глаз да глаз, а кто лучше родной матери присмотрит за ним. Я знаю, что нужна тебе здесь, но ты без меня можешь обходиться, а он нет. Нельзя же здоровье Халила поручить рабам.

Султан внимательно смотрел на Феодору, будто пытаясь проникнуть в ее мысли.

– Ты хочешь увезти его в Константинополь? – внезапно спросил он.

– Нет!

Орхан еще раз внимательно посмотрел на свою жену. Она попыталась придать лицу спокойное выражение, но ничего не получилось; ей казалось, что Орхан видит ее насквозь.

– Ты очень раздражена и испугана, моя дорогая. Скажи мне, что случилось?

– Я опять писала своей сестре с просьбой на время пустить меня с Халилом в Константинополь, и она отказала мне.

– Она высокомерная и тупая самка!

Султан понял, что Феодора лукавит. Он был в курсе ее переписки с Еленой, и здесь жена говорила правду, но этой причиной нельзя было объяснить ее взвинченное состояние: отказ от своей сестры она получила довольно давно, и сейчас, по прошествии месяца, Феодора не могла так переживать по этому поводу. Однако Орхан не стал с ней спорить.

– Ты можешь ехать, – сказал он Феодоре, – только обязательно возьми с собой Али Яхиа. – Потом повернулся к сыну: – Смотри, Халил, в этом путешествии ты должен оберегать свою мать. Ты уже большой, и я надеюсь на тебя.

– Конечно, папа! – воскликнул мальчик. – У меня даже есть кинжал из итальянской стали, его из Галиополя прислал Мурад.

– Хорошо. А теперь иди, мне нужно поговорить с твоей матерью.

Халил вышел, а Орхан еще долго разговаривал с Феодорой. Орхан затеял эту беседу с умыслом, ему было интересно знать, что произошло с Феодорой. Среди прочих тем он коснулся и положения под Адрианополем, городом на европейском побережье Мраморного моря, который сейчас осаждала армия султана. Если удастся взять этот город, то Турция окончательно закрепится в Европе.

После ухода Феодоры Орхан надолго уединился в своей комнате и никого к себе не пускал. Он никак не мог понять, что же есть загадочного в этой молодой женщине, из-за чего он ведет себя с ней не так, как со всеми остальными – женами, любовницами, просто минутными фаворитками. Ему даже было обидно, что в последние годы он отдалился от Феодоры из-за каких-то, он даже и не помнил уже каких, увлечений.

Глава 8

Весь день небо было безоблачным и ничто не предвещало перемен, но когда поднялся легкий бриз, капитан, как будто обеспокоенный чем-то, стал угрюмо бродить по палубе и тихо, неразборчиво бормотать себе под нос какие-то слова. Через некоторое время всем стали понятны причины его беспокойства. Небо на

западе почернело, и на фоне далеких гор было видно, что там бушует нешуточная гроза; ветер все усиливался и нес корабль прямо в полосу сильного шторма. Возвратиться назад уже было невозможно – слишком далеко они отплыли от берега, – оставалось только молиться и просить Аллаха смилостивиться над мирными путешественниками.

Этот корабль принадлежал султану Турции, на борту его находились жена султана, принцесса Феодора, и его сын, принц Халил. Несколько месяцев назад они уехали в Фессалию и сейчас возвращались домой.

Гроза догоняла убегающее судно. Капитан Хассан вызвал начальника охраны принцессы Феодоры и предупредил о надвигающейся опасности. Войн все видел и сам, но слова капитана подействовали на него удручающе.

– Я не хочу никого пугать, но предупреждаю, что надо готовиться к худшему. Я плаваю в море с детских лет, однако в такую переделку, пожалуй, еще не попадал. Так что прикажите своим людям быть в полной готовности, они могут понадобиться мне сегодня.

– Они в вашем распоряжении, капитан, – сказал Войн и пошел поднимать своих людей.

Капитан спустился вниз к каютам пассажиров. Он постучался в каюту принцессы, и через секунду дверь открыла ее служанка Ирина. Принцесса, сидя за маленьким столом, играла с сыном в «да и нет». Она приветливо улыбнулась капитану и прервала игру, ожидая, что он скажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/bertris-smoll/adora-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)